

INSPIRIA

МАРК БИЛЛИНГХЭМ

ВНИЗ ПО КРОЛИЧЬЕЙ НОРЕ

INSPIRIA

Ток. Пациент. Психиатрический триллер

Марк Биллингхэм

Вниз по кроличьей норе

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

Биллингхэм М.

Вниз по кроличьей норе / М. Биллингхэм — «Эксмо»,
2021 — (Ток. Пациент. Психиатрический триллер)

ISBN 978-5-04-165346-0

БЕСТСЕЛЛЕР #1 SUNDAY TIMES. Автор — двукратный обладатель премии Шерлока за лучший британский детектив. Его романы переведены на 25 языков. Взрывная смесь «Пролетая над гнездом кукушки» и «Остров проклятых». Меня зовут Алиса. Я офицер полиции. Я расследую убийство в психбольнице. В которой я — пациент... Очередной нервный срыв — и детектив полиции Алиса Армитейдж загребела в психиатрическое отделение интенсивной терапии. И хотя к ее «послужному списку» добавились ПТСР (Посттравматическое стрессовое расстройство) из-за гибели напарника, самолечение с помощью алкоголя и наркотиков, депрессия и психозы, Алиса убеждена: ей тут не место! В отличие от соседей по палате... Кто-то из пациентов забавен, кто-то странен, а кто-то опасен. Чтобы занять время, она наблюдает за ними, анализирует, дает клички... Все это приговора, когда кто-то убивает одного из ее соседей. Начав собственное расследование, Алиса приходит к выводу: она знает, кто преступник. Но когда ее главный подозреваемый становится второй жертвой, мир летит вверх тормашками. Она понимает, что не может доверять никому. И в первую очередь — самой себе... Кроличья нора - метафора состояния человека, при котором он уходит в себя, в свое подсознание. «Один из лучших британских авторов остросюжетной литературы». — The Times «Следуйте за Алисой — отважной, находчивой, привлекательной и раздражающей одновременно — по кроличьей норе в этом динамичном и запутанном триллере Марка Биллингхэма». — Пола Хокинс «Это один из самых интересных и проницательных писателей острого жанра наших дней». — Гиллиан Флинн «Романы Биллингхэма всегда обязательны к прочтению». — Харлан Кобен «Первоклассный писатель». — Карин Слотер «Марк Биллингхэм — мастер психологии». — Йан Рэнкин

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-165346-0

© Биллингхэм М., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Часть I	9
1	9
2	12
3	15
4	19
5	23
6	27
7	31
8	36
9	40
10	45
11	49
12	53
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Марк Биллингхэм

Вниз по кроличьей норе

С благодарностью и уважением посвящается памяти врачей и младшего медицинского персонала в области психиатрии, погибших на своем трудовом посту во время пандемии COVID-19.

Правду можно говорить только в маске.
Боб Дилан¹

Mark Billingham
Rabbit Hole

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © Mark Billingham Ltd 2021. First published in the United Kingdom in the English language in 2021, by Little, Brown, an imprint of Little, Brown Book Group

© Артём Лисочкин, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

* * *

Я как раз направлялась стрелнуть табачку у Люси, которую иногда называю Лю-Косячок (Косячок – это во всех смыслах этого слова) и которая, наверное, самая большая понтовщица, какую я только видела – она терпеть не может, когда к ней кто-нибудь прикасается, и уверена, что Земля плоская, – когда вдруг услышала, как в соседней со столовой комнате назревает какая-то буза. В маленькой, с желтенькими обоями и диванчиком. В так называемой «музыкальной», поскольку в шкафу там пылятся несколько барабанчиков-бонго и гитара с четырьмя уцелевшими струнами.

В ноздрях у меня по-прежнему стоял запах водянистого карри, которое Айлин в тот день приготовила на обед.

Не, поймите меня правильно: я подмела все подчистую. Две полные тарелки, поскольку отсутствием аппетита не страдаю и всегда ем то, что передо мной поставили; но где-то через час от этого запах меня все равно малость подташнивало. Да, я хорошо это помню. Меня в последнее время вообще много от чего мутит, а это место в принципе не отличается особо приятными ароматами, если честно.

Короче... Спешу я, значит, по коридору, стараясь не думать про этот запах и мечтая о хорошей затяжке, как вдруг слышу все эти вопли.

¹ Боб Дилан (р. 1941) – американский автор-исполнитель, художник, писатель и киноактер, одна из самых влиятельных фигур в мировой поп-музыке на протяжении последних 50 лет. Цитируемая фраза звучит в фильме М. Скорсезе Rolling Thunder Revue, снятого на основе одного из гастрольных туров артиста. – Здесь и далее прим. пер.

Крики, ругань, какой-то грохот, все такое.

Это было днем в среду, за два дня до того, как обнаружили тело.

Звуки тут разносятся будь здоров как, и поначалу я ничего такого не подумала. Не сказать, чтобы я в жизни не видела, как люди выходят из себя, так что решила, что просто кто-то выясняет отношения на более повышенных тонах, чем обычно, и, лишь только оказавшись в дверях, поняла, что все это действительно всерьез и что необходимо каким-то образом вмешаться. Что нужно все это немедленно прекратить.

Ну что я за дура... За *три* дня это было до того, как нашли труп! За три...

За дверью происходил натуральный бой. Простых наблюдателей было всего двое – какой-то малый, которого я не слишком-то хорошо знала, даже хлопал в ладоши, словно весь этот спектакль устроили спецом для него, – но все остальные с хрюканьем и всхлипами мутузили друг друга, мечась по всему помещению и сшибая мебель. От дверей мне было не совсем понятно, кто действительно дерется, а кто лишь пытается разнять дерущихся. Было уже поздно пытаться определить, кто все это замутил, но я решила, что это уже не имеет значения – да и изначально не имело никакого значения, раз уж на то пошло.

Тут для чего-то подобного много не надо.

С полдюжины дерущихся, смешавшись в одну кучу, царапались, выдирали друг у друга волосы и по-всякому крыли своих противников последними словами. Рукопашная – так это вроде именуется у военных? Только здесь это была лишь куча обозленных придурков, не преследующих каких-либо возвышенных целей и просто выглядящих по-дурацки, как придуркам и положено.

Которые ожесточенно сцепились в единый клубок, силясь повалить друг друга на пол и выплевывая угрозы.

Ждун – он тоже был там, и та сомалийка, которую хлебом не корми, а дай только добраться до чьих-нибудь ног, бились особенно рьяно – что удивительно, поскольку росту она пять футов с кепкой и худая как палка. Ильяс налетал на всех своим внушительным весом, а Лорен, Донна и Большой Гей Боб единой кучей извивались на полу, испуская злобные вопли. Ну и Тварь тут тоже был, естественно... тот втерся в самую гущу. Отпихнув ногой стул, он как раз как следует размахнулся, пытаясь врезать по роже Кевину, которому пришлось отступить к самой стене, когда кто-то – лица я не разглядела, поскольку оно было прикрыто капюшоном худи – повис на руке у Твари, вцепившись в него мертвой хваткой.

Короче говоря, цирк уехал – клоуны остались...

Меня даже отдаленно не удивило, что никто из тех, кому платят за то, чтобы разбираться с подобными вещами, немедленно не оказался на месте происшествия. Они на такое давно уже от пуза насмотрелись. Это я к чему: лично я отнюдь не собиралась стоять столбом и дожидаться, пока кто-то из медперсонала соизволит пошевелить булками и прекратить все это безобразие. А потом, мне столько таких вот заморочек довелось в жизни потушить, что уже и не упомяну, это дело привычное. В конце концов, меня ведь этому профессионально учили, разве не так?

Блин, Лис... Не растекайся мыслью по древу. Нужно четко излагать факты, точно? Тебя ведь и этому тоже профессионально учили.

Кстати, когда я сказала, что нашли труп, то забыла уточнить – первый труп. Одним трупом дело в итоге не ограничилось.

Стоило мне вихрем ворваться на поле боя, как почти сразу же стало ясно, что мое появление не вызовет тут особых изменений – чисто физически я вряд ли чего-то добьюсь. Хотя чего удивляться: необходимого снаряжения при мне не имелось – дубинки, перчаточного баллончика, тейзера², всех прочих причиндалов, – так что задачка передо мной стояла непростая. В

² Тейзер (англ. taser) – электрошоковый пистолет, выстреливающий две острые стрелки-электрода на длинных проводах и

итоге единственное, на что я оказалась способна, это залезть с ногами на один из тех немногих стульев, которые еще стояли, а не валялись на боку, набрать полную грудь воздуха и заорать громче любого из дерущихся, дабы привлечь их внимание. Ну, или, по крайней мере, большинства из них, поскольку кое-кто продолжал изрыгать проклятия и размахивать кулаками.

– Даю вам последний шанс немедленно прекратить все это безобразие, пока я всерьез не рассердилась, ясно?

Тут я сделала небольшую паузу, чтобы все всё как следует усвоили, поскольку всегда считала и до сих пор считаю, что это приносит нужный эффект – когда даешь людям немного подумать.

– Короче, сделайте сами себе одолжение и прекратите маяться дурью!

На этом месте – жесткий осуждающий взгляд, нацеленный в глаза каждому из присутствующих.

– Вы поняли, что я только что сказала? Я тут шуточки с вами шутить не собираюсь! Это вопиющее нарушение общественного порядка, и я, как офицер полиции...

И должна заметить, что это чудесным образом сделало свое дело, хотя, наблюдая со стула за тем, как кто-то из них расставляет мебель обратно по местам, а другие цепочкой выплывают в коридор, не могу сказать, что была особо горда собой. Большого удовольствия мне это не доставило. Я понимала это даже тогда, когда уже поздно вечером, лежа в постели вся в слезах, размышляла над тем, почему они все-таки меня послушались.

Вовсе не потому, что я каким-то образом достучалась до их разума или напугала их.

Не потому, что обладала какого-то рода авторитетом.

Горькая правда заключалась в том, что они не заморочились продолжать свою битву только потому, что при моих словах едва не полопались со смеху.

Часть I

Случайно или умышленно

1

Ради того, чтобы не упустить какие-то важные детали, а также слегка оживить свое повествование, я решила изложить эту часть в форме того собеседования, которое всякий соискатель какой-то должности проходит перед поступлением на работу. По-моему, я до сих пор помню, на что это похоже. Так что попробуйте представить себе, будто я, одетая с иголочки, расписываю вам саму себя в надежде заполучить карьерный шанс, выпадающий лишь раз в жизни. Забудьте на минутку, что дело происходит в дурдоме и что на мне вытянутые треники с домашними тапочками, как и на всех прочих чокнутых в этих стенах. Да, вы не ослышались – в *дурдоме*. Наверняка не самый политкорректный термин, готова это признать, пусть даже именно так люди это и называют.

Ладно...

Пускай не дурдом. Закрытое. Психиатрическое. Отделение.

Так лучше? Теперь можно продолжить? Мне меньше всего хотелось бы задеть чьи-то тонкие чувства.

Зовут меня Алиса Фрэнсис Армитейдж. Иногда просто Лис. Возраст – тридцать один год. Средний рост, средний вес – хотя в данный момент я малость похудошавей, чем обычно, – средняя... Да вообще все у меня среднее, короче. Пепельная блондинка, волосы выющиеся, как почти у всех на севере – в Хаддерсфилде³, если вам интересно, – малость без царя в голове, если верить моей матушке, и буквально несколько месяцев тому назад я служила в должности детектива-констебля⁴ на севере Лондона, в одном из убойных отделов Столичной полиции⁵.

В сущности, детективом-убойщиком я и остаюсь.

Но тут не все однозначно.

В смысле... ситуация сложная.

К ПТСР⁶ в Мет всегда относятся с большим пониманием. В смысле, а куда им деваться, учитывая все наши профессиональные риски. Но вот когда всплывают бухло и наркотики, то тут на большое сочувствие рассчитывать не приходится, пусть даже такими методами пытаешься бороться с вышеупомянутым психическим расстройством, заработанным на трудовом посту. Понимаете теперь, как все тут непросто устроено? Подобный «психоз» уже особо-то не привяжешь хронологически – к какому-то конкретному событию. Это типа как тот старинный вопрос, что появилось раньше – курица или яйцо... Нет, вы только не подумайте, что я настолько тупая, чтобы считать, будто вино и «травка» особо помогают все устаканить, но я абсолютно уверена в одном: большинство всей этой дикой херни у меня в голове порождалось

³ *Хаддерсфилд* – небольшой городок в округе Керклис на западе графства Уэст-Йоркшир в Англии, примерно в 300 км от Лондона.

⁴ *Детектив-констебль* – самое младшее звание в британском уголовном розыске. За ним идут детектив-сержант, детектив-инспектор, старший детектив-инспектор и так далее.

⁵ *Столичная полиция*, она же Мет (*англ.* Metropolitan Police, Met) – подразделение полиции, ответственное за обеспечение общественного порядка на территории Большого Лондона, за исключением Сити. Кроме того, занимается контртеррористической деятельностью и раскрытием особо тяжких преступлений на всей территории страны, выполняя примерно те же функции, что ФБР в США. Штаб-квартира Мет – всем известный Скотленд-Ярд.

⁶ ПТСР (посттравматическое стрессовое расстройство) – тяжелое психическое состояние, возникающее в результате единичного или повторяющихся событий, оказывающих сильное негативное воздействие на психику. Довольно частое явление у военных, полицейских, пожарных и т. д., часто сталкивающихся со смертью, разрушениями и насилием.

и до сих пор порождается именно полученной на работе психологической травмой, хотя можно запросто списать произошедшее не только на внешние, но и на мои внутренние факторы.

Проще говоря, не стоит винить во всем одно лишь мерло да ганджубас.

Хотя для Мет, естественно, так проще, потому что это как раз тот случай, когда сочувствие и понимание можно пустить побоку, а оплачиваемый отпуск «по семейным обстоятельствам», требующий денежек из казны, заменить чем-то совершенно другим. Я, само собой, боролась за него, и мой представитель в профсоюзе считает, что у меня есть все шансы восстановиться на работе, когда я выйду отсюда. Не говоря уж о том, что с незаконным увольнением дело уже практически решенное, и в данный момент он вовсе занимается взысканием недополученных мною по этой причине денежных средств через суд.

Так что пускай Тварь и все остальные ржут сколько их душе угодно. Может, у меня и нет сейчас при себе полицейской ксивы, но лично для себя я по-прежнему сотрудник полиции, и точка.

Хотя, пожалуй, придерживаю-ка я пока свою затею с собеседованием... Вообще-то не вижу каких-то препятствий, чтобы продолжать в том же духе, но только вот думаю, что тема бухла и наркоты тут не особо в жилу, а при попытках изложить свой опыт работы меня в любой момент могут грубо прервать. «Так все-таки, мисс Армитейдж, что же тогда произошло в январе? Вы после того случая вроде как вообще не работали...»

Ну да, кое-что я и вправду предпочла бы оставить за кадром – вроде всей той истории с нанесением тяжких телесных повреждений, и, если честно, формулировка «Принудительно госпитализирована в психиатрическое медучреждение согласно пунктам 2 и 3 Акта о психическом здоровье 1983 г.»⁷ будет смотреться в резюме далеко не лучшим образом.

Вообще-то, когда тебя определяют на принудительное лечение, ограниченные возможности трудоустройства – это далеко не самая большая головная боль, особенно по пункту номер три⁸. Абсолютно все становится по-другому, если в общем и целом. Можешь никому ничего не рассказывать, и большинство людей по вполне очевидным причинам именно так и поступает, но все это имеется в твоих документах. И сколько тебя тут продержали, и за что, а вся твоя жизнь в больничных стенах до мельчайших подробностей находится в пределах одного щелчка компьютерной мыши. Взять для начала страхование: после пребывания в подобном заведении это натуральный головняк, и даже чтобы просто съездить куда-нибудь за границу, на говно изойдешь. Есть места, где видеть в отпуске таких, как ты, совсем не жадут – в Америке, для начала, что на самом-то деле просто смехотворно, особенно если учесть, что у них там сейчас творится и какие у них правители.

Жизнь есть жизнь, я все понимаю, но все-таки...

Ты всеми силами пытаешься выбраться из дерьма, так что получаешь помощь – вне зависимости от того, просишь этой помощи или нет, – а потом, когда до той или иной степени приходишь в чувство, тут же вынужден разгребать новые кучи дерьма, которое валится тебе на голову, как только ты вновь оказываешься в реальном мире. Неудивительно, что многие люди регулярно возвращаются в подобные места по новой, да и не по одному разу.

Когда опять оказываешься в одной лодке с такими же, как ты, стесняться особо нечего.

⁷ Акт о психическом здоровье (англ. Mental Health Act) – принятый в Великобритании в 1983 г. государственный закон, регламентирующий все сферы оказания психиатрической помощи, в том числе принудительной: определяет понятие самого психического расстройства, регулирует процедуру согласия на лечение, методы и сроки лечения, порядок судебного рассмотрения дел о психическом здоровье и права лиц с психическими расстройствами.

⁸ Пункт 3 Акта о психическом здоровье 1983 г. определяет условия принудительного психиатрического лечения, связанного с пребыванием в специализированной лечебнице закрытого типа на срок до 6 месяцев (когда пациент может представлять опасность для самого себя или окружающих). Срок такого пребывания по пункту 2 – 28 суток. Стоит отметить, что решение о принудительной госпитализации психически больного принимается при участии судебных органов, пусть зачастую и чисто номинальном.

Во всяком случае, пожалуй, это и все, что на данный момент вам следует знать. Это, так сказать, предыстория. Последует и кое-что еще, разумеется, и пусть даже я и успела уже упомянуть нескольких других персонажей, вам все равно нужно еще много чего узнать про каждого из них и про все, что тут произошло. Постараюсь не упустить ни единой важной мелочи, но имейте в виду: гладкость моего повествования будет во многом зависеть от того, чем я занимаюсь в какой-то конкретный день и какие из недавно принятых лекарств только дают мне прикурить, а какие уже начинают терять силу.

Придется вам проявить ко мне некоторую снисходительность – это вот я к чему.

Кое во что тут трудно поверить, сразу вас предупреждаю, но только не тогда, когда в итоге окончательно поймешь, что тут вообще за житуха. Когда сам каждую секунду имеешь со всем этим дело. Когда хорошо знаешь, что тут за люди и на что они способны в плохой для себя день, уже ничему не удивляешься. Честно говоря, удивляет скорее то, что нечто подобное не происходит гораздо чаще.

Помню, как однажды утром разговорила с Тварью возле окошка для раздачи лекарств и о чем мы тогда говорили. Почти слово в слово помню. Тебе приходится иметь дело с целой кучей народу в самые худшие моменты их жизни – с теми, у которых такие качели настроения, что вы просто не поверите, и которые готовы отмочить что-нибудь несусветное буквально в любую секунду. Которые видят и слышат то, чего не существует в действительности. У кого паранойя или бред, а чаще всего и то и другое, и кто совершенно непредсказуем, даже по уши нашмыганный лекарствами. Кто шляется по здешним коридорам, являя собой «Задиру», «Шизика», «Плаксу» или любого другого из семи гномов безумия, двадцать четыре часа в сутки. Когда собираешь таких людей вместе и запираешь их в одном помещении, то тем самым вроде как только ищешь неприятностей, как думаете?

Хороший день здесь – это не когда случается что-то радостное или приятное. Хороший день – это когда не случается ничего вообще.

Убийство – это на самом-то деле не из тех вещей, о которых будешь рассказывать в письме домой из подобного места, стоит об этом подумать... Хотя, пожалуй, это нечто почти неизбежное, вроде шума и запахов. По мне, так убийство здесь вполне в порядке вещей.

Даже если их сразу два.

2

С полной уверенностью могу сказать, что тело Кевина нашли в субботу, потому как это произошло буквально на следующий день после моей комиссии, а та была определенно днем ранее. Всякую такую официальщину никогда не устраивают по выходным, поскольку врачи и психотерапевты отдыхают, а уж юристы – тем более. Работают они строго с понедельника по пятницу, с девяти до пяти, что малость странновато, особенно если учесть, что выходные тут самое стрёмное время и вроде бы должно казаться, что было бы разумнее наоборот *усилить* здесь штат. Субботы и воскресенья – это когда реальность, или же нечто близкое к ней, согласно представлениям здешних обитателей, накрывает их с головой. Когда пациенты понимают, чего они лишены, то начинают тосковать еще сильнее, что часто означает всяческие заморочки.

«Воскресный разброд и шатание», – вот как это называет Маркус.

Опять-таки в интересах точности должна заметить, что это была уже вторая моя комиссия. Одну я уже прошла – практически сразу же после того, как только меня доставили в это отделение по пункту номер два. Второй пункт – это когда они имеют право держать тебя не более двадцати восьми дней, а теоретически ты здесь для оценки твоего состояния, и, ясен пень, меня подобная ситуация даже отдаленно не радовала, так что при первой же возможности я потребовала переосвидетельствования. А вы как на моем месте поступили бы? Ничего хорошего, правда, из этой затеи не вышло, и через две недели, после пары неприятных происшествий – на самом-то деле ничего такого страшного, по-моему, и говорить не о чем, – пункт номер два превратился для меня в пункт номер три.

«Тройка» – это порядок принудительного лечения, при котором вас могут держать в психушке до шести месяцев, поскольку считают, что вы можете представлять собой угрозу для самого себя или для окружающих, так что вас вряд ли удивит, что я потребовала созыва очередной комиссии быстрее, чем вы успеете произнести слово «антипсихотик». Уж поверьте: я постучалась в дверь ординаторской, прежде чем они успели окончательно оформить мой перевод на новый статус содержания.

Что бы тут ни происходило, никогда не забывайте, что у вас есть права.

На это второе переосвидетельствование хотели прийти мои мама с папой – типа как подержать меня, – но я решительно отмела эту затею, поскольку они не делали тайны из того факта, что были обеими руками за мое поступление сюда. Что, мол, все это «для моего же блага». Честно говоря, кроме адвоката – с которым мне удалось пообщаться всего каких-то десять минут, – в моем углу ринга больше вообще никого не было, но все равно кому хочется, чтобы родные и любимые дули в одну дудку с теми, кто пытается держать тебя под замком?

Я, может, и не совсем в порядке, спорить не буду, но все-таки не окончательно двинулась головой.

В общем, обстановка была уже знакомой: письменный стол и два ряда пластиковых стульчиков, расставленных в МПП («многопрофильном помещении», как расшифровывает это сокращение табличка на двери в конце главного коридора).

Лица тоже знакомые.

Маркус, старший санитар, и один из его подчиненных.

Доктор Бакши, психиатр-консультант, и кто-то из ее подручных помладше, фамилию которого я с ходу забыла.

Еще так называемое «лицо, не обладающее медицинскими знаниями», требуемое законом, – какой-то мужик среднего возраста, который постоянно глупо улыбался и наверняка вписался во весь этот блудняк просто от нечего делать, и судыха, вид у которой был такой,

будто она сосала лимон или ей засунули в жопу ананас листьями вперед – или и то и другое одновременно.

Ну и, конечно же, я и мой адвокат, Саймон.

Поначалу я решила, что все идет неплохо. По крайней мере, мою вступительную речь сопровождали многообещающие согласные кивки. Я поведала собравшимся, что нахожусь здесь уже шесть недель – то есть дольше всех остальных, не считая Лорен. Хотя все-таки, по-моему, еще Ильяс пробыл здесь чуть дольше, чем я... Смутно припоминалось, что он болтался поблизости, когда меня сюда привезли, но эти первые дни, если честно, не особо отложились в памяти.

Ну, не суть...

Сказала им, что, по-моему, мне уже значительно лучше, что лекарства и вправду действуют и что голова у меня теперь не забита всеми этими дурацкими вещами, как при моем поступлении сюда. Маркус и этот второй санитар сказали, что это очень приятно слышать, и сообщили судье, что я хорошо реагирую на курс лечения. В тот момент эти слова прозвучали обнадеживающе, но теперь-то я понимаю, к чему речь шла: что меня надо обязательно *и дальше* лечить тем же манером.

Век живи – век учись, так ведь?

Но даже тогда все равно казалось, что у меня остается какой-то шанс, пока мне не зачили письмо от Энди, которое он прислал по «мылу». У меня вообще есть много чего про него рассказать, и чуть позже я это обязательно сделаю, но на данный момент вам достаточно знать, что Энди – это тот парень, с которым я состояла в отношениях до тех пор, пока шесть недель назад не треснула ему по башке винной бутылкой.

Он, типа, волновался за меня – вот в чем был основной смысл его послания этому судилицу! Энди хотел, чтобы врачи и судья знали, насколько он озабочен после того ночного телефонного разговора несколько дней назад – когда я якобы сказала ему, что по-прежнему подозреваю, что он не тот, за кого себя выдает. Когда я типа как впала в истерику и заявила, что без всяких колебаний прибую его, если мне понадобится защитить себя от него или от таких, как он.

Она все еще верит во всю эту чушь, писал он, во весь этот несуществующий заговор с целью извести ее.

Она, мол, угрожала мне.

После того, как все это было зачитано, я несколько расшумелась, скрывать не буду. Крики, вопли, слезы, и, может, еще и пнула свой стул, опрокинув его. Пока судья пыталась меня успокоить, я твердила ей, что Энди сам мелет чушь, что я никогда ничего такого не говорила, и что все это его обычный газлайтинг⁹ с целью и вправду свести меня с ума. Что он все это просто выдумал из-за того, что произошло, когда мы в последний раз с ним виделись.

Из-за бутылки по кумполу и всего прочего.

В общем, не буду долго расписывать, что там дальше было на этой комиссии, но через двадцать минут меня разыскал Саймон и сообщил о принятом решении. Через пару дней я все получу в письменном виде, сказал он, вместе с информацией, когда можно будет вновь потребовать переосвидетельствования, но я уже решила, что не буду заморачиваться. Ну кому охота постоянно биться лбом в одну и ту же стенку? Разве что Грэму, который настолько обожает

⁹ *Газлайтинг* (от *англ.* gaslighting) – форма психологического насилия, главная задача которого – заставить человека усомниться в адекватности своего восприятия окружающей действительности. Термин восходит к названию пьесы «Газовый свет» и ее экранизаций, где смоделирована устойчивая психологическая манипуляция, применяемая главным героем по отношению к своей жертве. По сюжету муж молодой женщины переставляет в доме мелкие предметы обстановки и прячет вещи, чтобы создать у жены впечатление, будто она теряет память и рассудок. Главная героиня замечает, что вечерами свет в доме слегка меркнет, в то время как ее муж настойчиво повторяет, что ей это только кажется. На самом деле освещение действительно менялось – из-за того, что он включал газовый свет в другой части дома, где искал спрятанные драгоценности.

это дело, что заработал себя перманентную вмятину во лбу, а персоналу приходится регулярно перекрашивать его любимый кусок стены, чтобы замазать кровь.

В тот день, после комиссии, когда я уже слегка успокоилась и успела пообедать, мы с Ильясом сидели в музыкальной комнате. В уши мне были воткнуты наушники, хотя на самом деле ничего я не слушала. Иногда я и вправду слушаю музыку, но, если честно, чаще всего опускаю в карман пустой шнур, ни к чему не подключенный. Это хороший способ избегать разговоров с другими людьми.

Ильяс помахал рукой у меня перед носом, поскольку ему хотелось что-то сказать, и я, вздохнув, сняла наушники. Немного выждала.

– Рад, что ты остаешься, – сказал он.

– А я, блин, нет, – отрезала я.

В нескольких помещениях от нас поднялся крик – что-то там про якобы стыренные деньги. Мы с Ильясом послушали минутку, после чего потеряли к перепалке интерес.

– Не желаешь ли партейку в шахматы?

Я ответила, что не желаю – как, впрочем, и всегда. Я никогда не видела, чтобы Ильяс играл с кем-нибудь в шахматы, да и не уверена, что он вообще умеет. Я и доски-то шахматной тут нигде ни разу не видела, хотя в шкафу пылятся несколько головоломок для любителей собирать всякие картинки из фигурных кусочков.

– Какой сегодня день? – спросил Ильяс.

– Пятница, – ответила я.

– Выходит, завтра суббота.

Да уж, Ильяс у нас долго репу не чешет – разум быстрый, как молния.

– Суббота, а потом воскресенье.

Шею только чешет, на которой у него просто жуткая сыпь.

– Воскресенье – это такое гадство, точно?

В этом я не смогла с ним не согласиться, хотя, сказать по правде, вообще никогда не была большой любительницей выходных. Со всеми этими общепринятыми требованиями расслабиться и наслаждаться собственной персоной. То есть если у тебя *вообще* есть выходные. Преступники по выходным не отдыхают, скорее даже наоборот, так что работа в полиции особо не оставляла мне времени для гаражных распродаж или прогулок в городском парке. Это из тех вещей, что мне всегда нравились в моей работе.

– Скукота... По субботам всегда такая *скукота*!

Помните, что я недавно говорила?

– Тянутся дольше, чем любой другой день недели, и никогда не происходит ничего интересного. – Вид у Ильяса стал совсем уж опечаленный. – Я не имею в виду драки или что-нибудь в этом духе, потому что драки – это тоже скука смертная. В смысле, что-нибудь действительно захватывающее.

Помните, как я говорила, что память меня иногда подводит? Насчет того, что я могла или не могла сделать? Не готова в этом поклясться, но я и вправду надеюсь, что прямо перед тем, как Ильяс, по обыкновению оглушительно испортив воздух, побрел на поиски кого-нибудь, кто мечтает сразиться с ним в шахматишки, я сказала:

– Гляди не накликай беду такими своими пожеланиями...

3

Сигнал тревоги звучит в наших стенах в среднем где-то пару раз в неделю – если на дворе полнолуние, то чаще, – так что никто по этому поводу особо не кипишится. Ну да, санитары реагируют достаточно быстро, но пациенты не носятся в панике или типа того. В большинстве случаев можно спокойно продолжать начатую беседу – разве что чутка повысив голос, пить чай и так далее, пока все это не прекратится. Но на сей раз первым делом послышался истошный визг, так что сразу стало ясно: произошло что-то и вправду из ряда вон выходящее.

У Дебби – санитарки, которая обнаружила тело, – глотка вообще луженая.

Произошло это в субботу вечером, почти ровно в одиннадцать часов, и большинство людей уже лежали по койкам. Я в тот момент сидела с Шоном и Тварью в кафетерии – как тут, в беспомощной попытке хоть немного изгнать казенный дух, порой именуют нашу постылую столовку, – просто чтобы уложить в животе последний прием пищи за день и поболтать ни о чем. Наверное, про музыку или про что-то по телевизору. И в жопу тот факт, что Лорен никому не позволяет наложить лапы на пульт от телика!

Выйдя за дверь, мы сразу увидели Дебби, которая во весь дух неслась по коридору со стороны мужских спален, так что тут-то я и поняла, что орала наверняка она, и она же и включила сигнал тревоги. У всего персонала есть личные беспроводные пульты для включения тревоги, висящие на ремне, – нажимаешь кнопку, и сирена завывает по всему отделению. Помню, как один из пациентов умыкнул как-то один такой пульт и спрятал, а потом нажимал на кнопку, когда ему становилось скучно, – и несколько дней в отделении творилось черт-те что.

Дебби была явно не в себе.

Остановившись, мы втроем принялись наблюдать, как из ординаторской вырываются Джордж и Феми, и пусть даже Дебби пыталась вести себя профессионально и, обратившись к ним, понизила голос, когда выключили сирену, мы все равно уловили, как она упоминает имя Кевина, а лица ее коллег сразу сказали нам то, что нам требовалось знать.

– Блин! – воскликнул Шон. – Ой, блин, просто офигеть!

Он тут же принялся яростно скрести ногтями свою шею и грудь, так что я взяла его за руку и сказала ему, что все будет хорошо.

– Наверное, это Тварь до него добралась, – предположил Тварь.

Отступив от них, я придвинулась к санитарам как можно ближе, пытаюсь еще хоть что-нибудь расслышать, но тут Джордж поднял на меня взгляд и предостерегающе покачал головой. А потом они все вместе поспешили обратно вглубь мужского коридора – очевидно, направляясь к палате Кевина, чтобы посмотреть на обнаруженное Дебби. Через пару минут Дебби и Феми вернулись с мрачными лицами, а вскоре Джордж принялся выводить в коридор обитателей соседних палат, подталкивая их к вестибюлю. Большинство из них брели достаточно мирно, с затуманенными глазами, кое-кто прижимал к груди одеяла. Но кто-то громко возмущался, что его разбудили, и требовал объяснить, что тут происходит.

– Не имеешь права выгонять меня из моей палаты!

– Мне очень жаль, но...

– Это моя палата!

– Произошел несчастный случай...

– А мне насрать!

Как только палаты опустели – ну, не считая комнаты Кевина, поскольку бедолаге было уже не суждено пойти куда-то своими ногами, – Джордж встал стражем у входа в коридор: проследить, чтобы никто не вернулся. Лишь бросал грозные взгляды и вздымал свою здоровенную ручищу, когда кто-то делал поползновения так и поступить. При других обстоятельствах это была бы задача Маркуса, как старшего санитаря, но тот никогда не работал по ночам.

Интересно, подумала я, не позвонил ли кто Маркусу и не едет ли он уже сюда, хотя не помню, чтобы видела его в отделении на следующий день.

– А где мы будем спать? – проныл Ильяс. – Я устал.

– Сейчас мы все организуем, – заверила его Феми.

Легче было сказать, чем сделать, разумеется. Когда у тебя восемь или девять мужиков, которых надо где-то разместить, а в женском коридоре ни одного свободного местечка – тут пришлось повозиться. Все обдолбаны таблетками, сонные – никого ситуация определенно не радовала. Ильяс с Тварью немедленно вызвались занять две комнаты, обычно используемые в качестве изолятора, и встали перед ними как вкопанные, всем своим видом показывая, что конкурентов не потерпят. Так вышло, что нашлась пара пустых палат в соседнем отделении, расположенном прямо напротив нашего, и еще несколько ниже этажом, хотя никто не горел особым желанием там оказаться, поскольку внизу содержались реально серьезные психи. Но особого выбора под конец не оставалось, и, за исключением пары «добровольцев», как у нас тут называют госпитализировавшихся по собственному выбору¹⁰, за которыми приехала «Скорая» и доставила в какую-то больничку по соседству, к моменту прибытия полиции все пациенты мужского пола были вновь уложены по постелям.

Это было для меня самое паршивое, реальный удар под дых.

Когда меня подвинули прочь с дороги, как какую-то совершенно бесполезную вещь.

Словно я такая же, как и все остальные.

И хотя «несчастный случай» изначально произошел в мужском коридоре, санитары сразу же недвусмысленно дали понять, что и всем пациентам женского пола, не успевшим улечься в постель, тоже следует немедленно разойтись по своим комнатам.

Сна у меня не было ни в одном глазу – ну какой тут сон? – но больше всего раздражало не то, что спать я была пока не готова. Я решительно подгрребла прямо к Феми, как будто та забыла больничные правила.

– Вообще-то официально отбой у нас только в полночь.

– Знаю, – отозвалась она. – Но ситуация... не совсем обычная. Нам нужно, чтобы все находились в своих постелях, чтобы полиция могла спокойно заниматься своим делом, когда приедет сюда.

– В том-то все и дело, – не отставала я. – Я могу им помочь.

Пальцы у меня так и чесались выхватить удостоверение, которого у меня с некоторых пор не было.

– Я знаю, как это делается.

Феми лишь кивнула, одарив меня короткой улыбкой, а потом положила руку мне на крестец и слегка подпихнула к выходу. Я пихнула ее в ответ – но только потому, что разозлилась. Я понимала, что лишь зря теряю время, потому что уже видела, как Лорен, Донна и кое-кто из тех, кого разбудила вся эта свистопляска, медленно бредут обратно к дверям своих палат.

– Это нечестно! – возмутилась я.

– Есть определенный порядок, – сказала Феми.

– В смысле, когда кто-то умирает?

Феми ничего не ответила – просто убедилась, что я двигаюсь в нужном направлении.

– Кевин ведь мертв, я права?

¹⁰ В Великобритании такого рода пациентов, согласившихся на госпитализацию в психиатрическое отделение по собственной воле, называют informals – «неформалы» (совершенно официальный термин).

* * *

По вполне очевидным причинам женщинам не дозволяется бывать в мужском коридоре, и наоборот. По некоторым из тех же причин и сами пациенты не особо горят желанием, чтобы вообще хоть кто-то совался к ним в спальни. В смысле, приватность важна для всех, спору нет. Хотя из этого вовсе не следует, что между пациентами не происходит кое-каких определенных вещей, поскольку, уж поверьте мне, такое случается. Прямо у всех на виду и довольно часто, поскольку я сама не раз наблюдала все это собственными глазами.

Быструю дробку в углу музыкальной комнаты.

Возню в кустах, когда пациентам разрешается выходить на улицу.

Но все-таки, разве не приятно знать, что у них тут есть правила, призванные предотвращать такие ужасные вещи?

Хотя могу предположить, что при всем том, что творилось в отделении в тот вечер, при всех этих копах, устроивших тут натуральный кавардак, персонал наверняка был слишком занят другими делами, чтобы обращать внимание на такую чепуху, как заскакивание в чужие комнаты. Так что буквально через полчаса после того, как меня вроде бы надежно уложили под одеяло, я уже тихонько постучалась в пару дверей и привела к себе в комнату Лю-Косячок и Донну, чтобы поинтересоваться их мнением насчет происходящего.

– Он ведь покончил с собой, так ведь. – В устах Донны это не прозвучало вопросом.

– Самое очевидное объяснение, – объявила Лю-Косячок. Она сидела у изножья моей кровати, расчесывая волосы, в дорожной пижаме с вышитыми на ней звездами, которую ее родители привезли ей из дома. – Не думаю, что в последнее время он так уж радовался жизни.

Люси классная, но даже если исключить героин и теорию плоской Земли, она далеко не самый острый инструмент в нашем наборе.

– А что, много народу тут радуется жизни? – иронически поинтересовалась я.

– Ну, в смысле... Даже еще меньше радовался жизни, чем обычно.

– Наложил на себя руки, – твердо сказала Донна. – Тут и думать нечего.

– И как же он тогда это проделал? – Я оглядела свою комнату – точную копию остальных девятнадцати в отделении. Узенькая односпальная кровать, чумазое окно за нервушейся занавеской... Нарочно тяжеленный стул, чтобы его было невозможно швырнуть кому-нибудь в башку. Гардеробный шкаф с тремя полками, в котором ни фиги толком не повесить...

Не говоря уже о том, чтобы самого себя.

– Если очень уж хочется, всегда найдешь способ, – заметила Донна.

Донна, она же Ходунок, которая оказалась здесь по той причине, что грозилась проделать это бесчисленное число раз, а в итоге и вправду проделывала это на протяжении уже нескольких лет, причем самым медленным и жестоким способом. Я посмотрела на нее, сгорбившуюся на стуле, который весил, наверное, втрое больше ее. На тощие запястья, которые младенец может запросто обхватить пальчиками, на выпирающие под ветхим розовым халатом ключицы, тоненькие, как вязальные спицы...

– Не думаю, что меня такое объяснение устраивает, – объявила я.

Покончить с собой в этих стенах и в самом деле невероятно сложно, и вас это вряд ли удивит, поскольку так тут и должно быть. Если вы относитесь к группе риска, за вами будут хорошенько присматривать, типа как постоянно. Вдобавок вам строго запрещается иметь при себе все, чем вы можете себя поранить, и даже когда вы впервые поступаете сюда – когда вы еще только оцениваете это место, а персонал оценивает *вас*, – у вас отбирают все то, что считается потенциально опасным.

В ту первую ночь, как только я прекратила завывать и пытаться пнуть того из санитаров, у которого хватило ума подойти слишком близко, у меня отобрали чуть ли не всё.

Кроссовки (в них же шнурки, верно?).

Ремень (ну ладно).

Маникюрные ножнички (вполне объяснимо).

Пинцет (ну на фига?).

Лифчик с косточками (здесь-то в чем прикол?).

В этот момент у тебя конфискуют и мобильный телефон, хотя черт знает, как можно лишиться себя жизни при помощи того же «Самсунга». Чего они боятся? Что ты засунешь его себе в горло? Или что вызовешь по телефону наемного убийцу, чтобы тот пришел и сделал дело вместо тебя? Хотя, сказать по-честному, если не будет каких-то особых противопоказаний, через пару дней его отдадут тебе обратно.

И то хлеб, верно?

Если бы мне не разрешили держать при себе мобильник, то, пожалуй, мне и вправду захотелось бы наложить на себя руки.

– Ну а ты как думаешь, что произошло, Лис? – спросила Косячок.

Я не стала ей говорить, что думаю, поскольку, если по-честному, была напугана не меньше остальных. Я пребывала в приподнятом настроении, поймите меня правильно, все эти мои профессиональные инстинкты начинали понемногу пробуждаться, но я была... настороже. Прямо тогда, когда в каких-то ярдах от меня остывал труп, это было не более чем смутное чувство, и я старательно пыталась избавиться от него, причем не без причины. Восемнадцать месяцев назад у меня вот тоже возникло чувство, будто шизик, который пригласил нас в свою квартиру на Майл-Энд-роуд¹¹, абсолютно безобиден. Если б не это чувство, то не было бы никакого ПТСР и какой-либо нужды в тех веществах, которые я пила, нюхала и которыми закидывалась, чтобы приглушить эту боль. Дело не кончилось бы тем, что я возомнила, будто люди, которых я любила больше всего на свете, пытаются убить меня, или что кто-то, неизвестно кто, способен читать мои мысли. И я никому не разбила бы башку.

Глядя на Люси, я ощутила, что меня начинает маленько потряхивать. Попыталась улыбнуться и засунула руки себе под жопу, чтобы она этого не заметила.

– Вообще-то не знаю, – сказала я.

Как раз подобное чувство и привело меня сюда.

¹¹ *Майл-Энд* – не очень благополучный микрорайон в лондонском Ист-Энде, расположенный примерно в 6 км от городского центра.

4

Отделение под названием «Флит» (наш дом родной на настоящий момент) располагается прямо напротив через лифтовый холл от отделения «Эффра», одного из четырех отделений неотложной психиатрической помощи в на редкость облупленном и уродливом корпусе «Шеклтон» – специализированной психиатрической лечебнице при Хендонской¹² районной больнице. «Флит» – лучше не спрашивайте меня, названия вроде каким-то образом связаны с исчезнувшими лондонскими реками – представляет собой смешанное женско-мужское отделение, способное вместить до двадцати одного пациента за раз, но обычно здесь содержится от пятнадцати до восемнадцати. Как правило, мужиков и теток тут примерно поровну, и примерно такое же соотношение между добровольными пациентами – «неформалами» – и теми, чьего мнения при поступлении никто не спрашивал.

Теми из нас, кого притащили сюда силой, брыкающихся и визжащих.

Или заманили сюда хитростью.

Или которые даже не помнят, как сюда попали.

Я особо не склонна якшаться с «добровольцами», поскольку вроде как нет никакого смысла даже просто знакомиться с ними. Как правило, они проводят здесь от силы пару-тройку дней, и некоторые из них находятся здесь только лишь потому, что это бездомные, которые мечтают пару ночей поспать в нормальной кровати с четырехразовым питанием. «Пациенты крутящихся дверей» – вот как санитары их тут называют. Вошел, вышел, потом опять обратно, а дальше они уже сыты по горло картонными матрасами и всякими мудаками, будящими их посреди ночи. Только если не становится совсем тяжело или не ударяют первые заморозки.

Не буду обвинять таких людей в симуляции – они наверняка так же больные на всю голову, как и все остальные из нас, – но что касается Кевина и того, что произошло после, они не особо важны.

Так что на данный момент сосредоточу свой рассказ на тех, кто постоянно находился в отделении в то время – а может, и до сих пор там находится. На задвинутейших из задвинутых, кто по иронии судьбы как раз и не дал мне окончательно сойти с ума. Моих сотоварищах-недотумах по отделению «Флит». Моих закадычных друзьях, а время от времени и заклятых врагах. На моем племени... моей семье.

На этой дикой банде психически неустойчивых людей с реально потекшей крышей, с которыми мне приходилось иметь дело.

На «принудительно госпитализированных»...

Так что, как изысканно принято выражаться в приличном обществе, позвольте мне поименно представить присутствующих здесь дам и господ.

Начну с мужиков, пожалуй, поскольку вспоминать тут особо нечего.

КЕВИН. Ну... парень уже отдал концы, ясен пень, но как-то нехорошо это звучит, как будто это *все*, что он из себя представлял, или это все, что ты вообще про него знаешь. Он был лет на десять моложе меня и болел за «Вест Хэм»¹³, что, конечно, стыд и позор, но ничего уж тут не попишешь. У него были «проблемы», естественно, и вам наверняка понятно, что абсолютно у всех, кого я собираюсь описать, их тоже предостаточно, так что я больше не буду использовать это дурацкое слово. У Кевина все они были как-то связаны с его родителями, по-моему, но он никогда не вдавался в детали. Он был здесь одним из самых дружелюбных

¹² *Хендон* – микрорайон в лондонском районе Барнет, являющийся также его административным центром.

¹³ «*Вест Хэм Юнайтед*» (англ. *West Ham United*) – английский профессиональный футбольный клуб из Стратфорда, Восточный Лондон. Выступает в Премьер-лиге – высшем дивизионе системы футбольных лиг Англии.

ребят. Иногда слишком уж дружелюбным, если по-честному – в том смысле, что некоторые люди этим беззастенчиво пользовались, а он на самом деле не мог в достаточной степени за себя постоять, без чего в таких местах никак. По-моему, перед поступлением сюда Кевин был скинхедом, и я помню, как он буквально расцветал, показывая мне свои татуировки. Улыбка у него была просто чудесная. Я так и не выяснила, как он в итоге оказался в нашем отделении и что произошло перед тем, как его направили на принудительное лечение, но точно знаю одно: во все это была явно вписана наркота, а наверняка и после... ну, короче, вы поняли.

Да, и он был в отличной физической форме, просто не могу здесь об этом не упомянуть.

ГРЭМ, он же Ждун. Мне следует подчеркнуть, что почти все эти кликухи я придумала сама, и большинство людей, о которых здесь идет речь, даже про них не в курсе. Я вообще неважно соотношу в памяти имена и лица, так что поначалу они помогали мне припомнить, кто есть кто, да и теперь иногда я использую настоящие имена, а иногда те, которые сама выдумала – в зависимости от собственного настроения или памяти, или от того, насколько я нашмыгана лекарствами, что обычно негативно влияет и на то и на другое. Это конкретное прозвище не из самых гениальных, я хорошо это сознаю, но все-таки оно в самую точку. Тем более что все просто: Грэм – «ждун», потому что он все время ждет: вот так, в самом прямом смысле этого слова. Постоянно, блин, чего-нибудь ждет. Ты всегда знаешь, где находится Грэм, поскольку, едва позавтракав, он уже стоит перед окошком для раздачи лекарств в ожидании, когда оно наконец откроется. А получив свои таблетки, торчит перед дверью столовой, ожидая, когда будут раздавать обед. Потом опять к окошку для раздачи лекарств, потом обратно в столовую, потом опять к окошку – один и тот же устоявшийся распорядок каждый божий день. Уже привыкаешь видеть его просто стоящим и пялящимся в пространство, всегда первым в очереди, пусть даже за полчаса до открытия. Как-то раз, когда это меня уже малость достало, я решительно подошла к окошку для выдачи лекарств (до открытия которого оставался как минимум час) и поинтересовалась у него, какого хера он топчется тут, в чем здесь прикол. Грэм посмотрел на меня, как на последнюю идиотку, и ответил: «Терпеть не могу стоять в очереди».

Ему, судя по всему, уже хорошо к пятидесяти, и на нем всегда стильный наряд из ограниченной серии модного дома под названием «Флит» – а именно основательно застиранная бледно-голубая пижама. Он очень высокий и очень худой, и есть в нем что-то... типа как пау-чье. Выражение его лица никогда особо не меняется, и он не особо-то разговорчив. По правде сказать, приведенный мною диалог был, наверное, самым длинным, которые я с ним имела.

ИЛЬЯС, он же Гроссмейстер. Это ведь из шахмат, я права? То ли грек, то ли турок, по-моему, Ильясу чуть за тридцать, по моим прикидкам... он смуглый, коренастый и реально *волосатый*. Я это знаю, поскольку он обожает разгуливать без рубашки, а иногда и без штанов, сколько бы персонал ни убеждал его, что это крайне некрасиво. Ильяс может выйти из себя из-за малейшей чепухи, и когда это случается, он типа как реально вас ненавидит, но ровно через десять минут уже плачет и обнимает вас, и, честно говоря, это тоже малость напрягает. Я тут имею в виду серьезные перепады настроения, когда ты не знаешь, чем дело кончится. Я в таких делах не спец, но могу предположить, что он натуральный шизоид – в смысле, биполярка¹⁴ у него по максимуму. И запросто может отмочить что-нибудь совершенно невероятное буквально на ровном месте. Либо то, отчего ты просто повалишься со смеху, либо потом что-нибудь такое, отчего тебе захочется залезть под горячий душ. Не стану об этом умалчивать, но в общем и целом большую часть времени это просто большой глупый щенок, и если кто меня вдруг спросит, я все равно скажу, что отношения с Ильясом у меня всегда были самые

¹⁴ «Биполярка» – обиходное название биполярного расстройства, характеризующегося резкими перепадами настроения (ранее именовалось маниакально-депрессивным психозом).

приятельские, и я считаю, что он наверняка безобиден. Ясен пень, совершенно безобидных тут не держат – в смысле, скажите это Кевину, – но вы поняли, о чем я, так ведь?

Он *достаточно* безобиден.

РОБЕРТ, он же Большой Гей Боб. Мужик это уже немолодой – ну, я не знаю... в районе сороковника? – и не особо крупный, скорее даже попросту мелкий, и лысоватый, причем у меня нет абсолютно никаких свидетельств тому, что он хотя бы отдаленно гей, но иногда почему-то складывается именно такое впечатление. А вот что все здесь знают абсолютно точно, так это что у Боба только и разговоров, что про женщин, с которыми он спал. Заверяю вас, в голове у него один трах, и если вы вдруг рискнете вступить с ним в разговор – а он просто обожает поболтать, – то это и к вам в мозги проникнет тоже. Клянусь, вы можете завести разговор на какую угодно тему – футбол, паровые машины, даже какой-нибудь чертов холокост, – и Боб все равно найдет способ как-то ввинтить историю о том, что он как-то вытворял с «одной сисястой блондиночкой» в номере отеля в Брайтоне или «рыженькой лисичкой» на парковке возле какого-то паба в Лидсе. Хотя я не хочу, чтобы вы подумали, будто он какой-то там грязный тип, поскольку он явно не такой. Выглядит все это скорее комично, чем как-то по-другому, поскольку налицо... откровенный перебор. А насчет гомосексуальных наклонностей, так просто кто-то из женщин – скорее всего, это была Лорен – как-то заметила, что постоянная болтовня о твоих успехах с противоположным полом представляет собой ясный признак того, что на самом-то деле все твои мысли поглощает твой собственный. Что ты скрытый гомик или что-то в этом роде. Так что, когда впервые прозвучала эта кликуха, просто смеху ради, она так и прилипла. Это был в чистом виде прикол, хотя, сказать по правде, Бобу это вроде понравилось – он даже слегка подыграл, словно втайне обрадовался тому, что наконец-то... типа как определился, что ли.

Так что, скорей всего, он и вправду гомик.

ШОН, он же Барашек. Ну да, он из Уэльса, так что застрелите меня за предсказуемость¹⁵, но это действительно офигительное прозвище, потому как он по жизни... ведомый, понимаете? Шон у нас один из самых молодых и, по-моему, просто так и не нашел свое место в жизни, но факт в том, что он сделает практически все, что ему велют, и поверит всему, что ему только ни скажешь. Буквально всему. На самом деле я – дочка мультимиллионера, но это большая тайна... Я была на «Острове Любви»¹⁶... И так далее. Чему угодно поверит. Кто знает, был ли Шон таким доверчивым и еще до того, как с ним случилось то, из-за чего он попал сюда, но, судя по всему, что-то настолько перепуталось у него в голове, что теперь он напоминает чистую страницу или просто нечто, что остальные могут всячески сгибать или заливать в форму, которая им подходит.

А что еще вам следует знать про Шона, так это что он может быть слегка надоедливым. Почти каждый день будет не раз и не два подходить к вам и показывать на какое-то маленькое пятнышко у себя на подбородке – прыщик или что-то в этом роде – и спрашивать: «Я теперь умру, я теперь умру, я теперь умру?» Стоит его заверить, что он вряд ли в любой момент отдаст концы, как вскоре Шон в полном порядке, но буквально через полчаса он опять в панике и вновь задает вам все тот же вопрос. Знаете, у моей мамы тоже вот бывает ипохондрия, но это уже выходит за всяческие рамки.

¹⁵ Овцеводство является одним из основных занятий жителей Уэльса. Согласно статистике, на каждого жителя приходится как минимум три овцы или барана. Для валлийцев это предмет гордости; для остальных же обитателей Соединенного Королевства, прежде всего англичан, – неиссякаемый повод для насмешек. Кроме того, существует известный пластилиновый мультисериал под названием «Барашек Шон».

¹⁶ «Остров любви» (англ. Love Island) – британский реалити-сериал о романтических свиданиях, примерно в том же формате, что наш «Дом-2».

Хотя он вовсе не какой-то там полоумный дурачок, я этого вовсе не хотела сказать, и именно с ним до определенного момента я вела самые приятные беседы... самые *нормальные* беседы. Вообще-то реально суперский малый, но после того, что случилось с Кевином, он стал просто сам на себя не похож. Они были очень близки, эти двое, могу вас тоже в этом заверить. Поначалу я думала, что они просто дружат, пока как-то за обедом не увидела, как Шон держит руку на члене Кевина под столом, так что, полагаю, вполне объяснимо, что он был малость расстроен. И так у него это до конца и не прошло, вообще-то говоря. Шон по-прежнему плачет, очень часто.

ТОНИ, он же Тварь. Первое, что вам нужно запомнить про Тварь, – это что на самом деле никакая он не тварь. Он просто прозывается Тварь, поскольку Тварь – это то, чем он одержим. Эта Тварь пугает его до смерти двадцать четыре часа в сутки. Тварь... это то, что сотворила его собственная голова. Хотя вам также стоит помнить, что Тони и сам по себе создание довольно страшноватое. Эдакий здоровенный мужик из Кройдона¹⁷, который выглядит как Энтони Джошуа¹⁸, если только Энтони чутка перестанет следить за фигурой. Говорю вам: он сложен как кирпичный сортир... но одного только упоминания про Тварь – серьезно, пусть даже ехидным шепотом – достаточно, чтобы превратить его в запинаящуюся развалину. Визжащую, пытающуюся вылезти в ближайшее окно и так далее. Ведь Тварь – согласно миру Тони, – это некое вселенское воплощение зла, которое по каким-то причинам, которые никто из нас не может, да и особо не хочет понять, пытается убить его и – а вот тут как раз ключевой момент! – обладает сверхъестественной способностью превращаться во что только пожелает. Во что угодно и в кого угодно. Сегодня Тварь может быть мной, а на следующий день – кем-то из медперсонала. Или собакой, или пауком-сенокосцем, или парой ботинок. Эта Тварь – невероятно могущественный и бесконечно коварный оборотень.

Моя бывшая соседка по квартире, Софи, как-то пришла меня навестить и на несколько минут оказалась с Тони наедине в музыкальной комнате. До сих пор не знаю, что он такого наплел, что довел ее до ручки, но через несколько дней она прислала ему открытку с надписью: «Дорогой Тони, была рада с тобой повидаться. Да, и кстати – я превратила себя вот в эту открытку. Приятного дня, с любовью, Тварь ХХХ».

После этого Тони не выходил из своей комнаты чуть ли не целую неделю.

¹⁷ *Кройдон* – один из 32 боро (районов) Лондона, некогда отдельный город. Западная часть Кройдона отличается достаточно маргинальным населением и высоким уровнем преступности.

¹⁸ *Энтони Джошуа* (р. 1989) – чернокожий британский боксер-профессионал, выступающий в тяжелой весовой категории, олимпийский чемпион 2012 г. в категории свыше 91 кг.

5

Не могу сказать, что это была самая безмятежная ночь в моей жизни. Я была слишком возбуждена тем, что предположительно происходило на другом конце отделения, – хотя, если честно, это больше имело отношение к тому факту, что я поставила будильник в телефоне, чтобы он будил меня каждые полчаса. Мне хотелось лично посмотреть, что происходит.

А почему бы и нет?

Очень не хотелось что-нибудь пропустить.

Когда я потихоньку выбралась из палаты в первый раз, Феми быстренько наладила меня обратно в постель, едва только завидев. Я не стала скандалить, просто сказала ей, что мне нужно в туалет, и, проторчав на толчке до тех пор, пока не решила, что ей уже надоело меня стеречь, ухитрилась поводить жалом еще несколько минут, прежде чем она опять меня перехватила.

А нюх, как у собаки, а глаз, как у орла – это как раз про нашу Феми.

Коридор, в котором располагалась комната Кевина, был перегороден полицейской лентой. Уже от одного только вида знакомой сине-белой полоски пластика у меня перехватило дух. Типа как бабочки в животе запорхали, понимаете? Комната Кевина располагалась в дальнем конце коридора, так что мне не было слышно, о чем там говорят, а различить я сумела разве что смутные фигуры, входящие и выходящие из интересующей меня комнаты, но это не имело никакого значения. Я, ясен пень, и так знала, что там происходит. Знала, на какой они сейчас стадии.

Группа предварительного осмотра места происшествия из убойного отдела. Всего пара оперативников, наверняка основная задача которых – попробовать определить, не была ли внезапная смерть подозрительной. Понять, надо ли вызывать детективов, криминалистов и всю прочую шайку-лейку.

Прямо перед лентой стоял констебль в форме из местных, и я выбрала подходящий момент, чтобы перекинуться с ним парой слов. Феми убралась обратно на пост, и с моего места мне было видно, как они с Джорджем гоняют там чай и разговаривают с Дебби. Феми положила Дебби руку на плечо, поскольку та была по-прежнему сама не своя после обнаружения трупа. Убедившись, что они меня не видят, я метнулась вперед посмотреть, что удастся вытащить из патрульного. Словно какой-нибудь хренов ниндзя.

– О! – только и сказал он. Его, видать, заверили, что все пациенты надежно заперты по палатам, и теперь бедняга даже отдаленно не представлял, что делать, когда я оказалась прямо у него перед носом. Вообще-то он даже вздрогнул и принялся озираться по сторонам в поисках поддержки.

– Ну, что думаете? – спросила я. – Оценочная группа вызовет остальных?

– Простите?

– Все нормально, – сказала я. – Я тоже из Системы.

Он посмотрел на меня – кивающую ему, всю такую деловую, в ветхом халате и тапочках. Потом сказал:

– Ну да, конечно же, – после чего принялся махать руками у меня над головой, пытаясь привлечь внимание кого-нибудь на посту санитаров.

Я бы с радостью вlepила ему по физиономии, но понимала, что ничего хорошего из этого не выйдет, и предположила, что времени у меня в обрез. Увидев, как из комнаты Кевина выходит кто-то из оперативников, я подняла руку и крикнула поверх плеча патрульного:

– Скажите Брайану Холлоуэю, что Лис передает ему привет!

Брайан – это мой старший детектив-инспектор. Один из самых достойных. И добрый приятель при этом.

Оперативник в дальнем конце коридора бросил взгляд в мою сторону, не обратив на меня внимания, а потом шагнул обратно в комнату Кевина. Вообще-то не знаю, на что я рассчитывала, поскольку Хендон – это по-любому не мой район, так что вряд ли я знала кого-то из этих ребят, и практически не было никаких шансов, что кто-то из них знает меня. Но все равно это вызвало у меня раздражение.

Я опять повернулась к патрульному.

– Холлоуэй – это мой начальник, – объяснила я. – Мы вместе работали над целой кучей дел.

Теперь этот малый уже раскинул руки, крепко упершись в пол ботинками десятого размера, словно ожидал, что я попытаюсь в любой момент рвануть мимо него. Он по-прежнему понятия не имел, что со мной делать, это было очевидно, но прежде чем я успела усложнить ему жизнь, как на помощь ему появились Феми с Джорджем, со словами: «Ну ладно тебе, Алиса» и «Давай-ка обратно в постель, будь послушной девочкой».

Я не удержалась от улыбки при виде облегчения на физиономии этого чурбана, семена обратно к своей комнате, как *очень* послушная девочка. Подобный поворот событий меня особо не смутил, поскольку я уже знала, как все тут будет дальше разворачиваться. Могла предсказать все следующие шаги хода расследования от первого до последнего.

Я и сама множество раз проделывала подобные шаги.

Скоро они выдвинут тяжелую артиллерию, и я обязательно буду там, когда это произойдет.

* * *

Наверное, эта моя вылазка малость сбила хронологию, поскольку где-то через час – на сей раз я решила выждать немного дольше, на тот случай если Феми и остальные будут за мной присматривать, – когда я опять втихаря выбралась из своей комнаты, все стало развиваться гораздо быстрее, чем я рассчитывала. Самое противное, что я пропустила, как они выносят тело Кевина, и вовсе не потому, что охоча до таких зрелищ или еще чего, а по той причине, что этот момент кое-что значит для любого коппера. Должен, по крайней мере. Дело в выказывании должного уважения, а кроме того, как и любой, кому была небезразлична жертва – а я уже поняла, что Кевин относится как раз к этой категории, – я совершенно не представляла, когда все мы получим шанс сказать ему «последнее прости» и получим ли вообще.

В общем, жаль, что так и не вышло присутствовать при том, как выносят пластиковый мешок с телом.

Но к тому моменту криминалисты уже вовсю занимались своим делом, гоняя туда-сюда со своими чемоданчиками и пакетиками для улик, облаченные в свои пластиковые комбинезоны и бахилы – такие же, как и у детективов. Хотя было довольно просто понять, кто есть кто, поскольку, как обычно, детективы в большинстве своем подпирали стенки, треплясь между собой и дожидаясь, когда криминалисты освободят им территорию. Я нашла себе местечко прямо за дверным проемом столовой – где, как я знала, меня не было видно с поста санитаров, – и проследила за одним из криминалистов на его пути к выходу. По моим прикидкам, все транспортные средства группы были припаркованы у главного входа. Посмотрела, как он – по моему, это был все-таки «он» – машет в сторону поста и ординаторской, а потом дожидается у входного тамбура, пока кто-нибудь из персонала не откроет дверь (вход в наше отделение, как и во многих психушках, устроен на манер шлюза – одна из противоположных дверей тамбура всегда остается закрытой, персонал за этим строго следит). Через минуту, гремя ключами, к нему подбежала Малайка – одна из младших санитарок.

– Ой, простите! – выдохнула она.

– Можете не спешить, – отозвался криминалист.

Да уж, бедолаге Кевину уж точно спешить-то теперь было некуда, при любом раскладе...

Где-то с полминуты криминалист стоял внутри тамбура, дожидаясь, пока его выпустят с другой стороны, и это сразу напомнило мне сцену из какого-то научно-фантастического фильма. Я представила себе, что он – астронавт, готовый шагнуть из шлюза в черноту космоса или на платформу орбитальной станции, а не в этот мрачный коричневый вестибюль и вонючий лифт, спускающийся на парковку под зданием. Помню, уже предвкушала, как буду рассказывать про эту сцену остальным, гадая, кого больше всех проймет мой рассказ. Мне наверняка удалось бы убедить Шона, что я *и вправду* видела астронавта, конечно же.

А еще я терялась в догадках, что именно унес криминалист в своем пластиковом контейнере для улик – что они вообще нашли в комнате Кевина. Может, орудие убийства? Много ли было крови? Дебби визжала явно так, словно набрела на что-то действительно ужасное, а уж поверьте мне: санитарку из психиатрического отделения так вот запросто не напугаешь.

Наверное, у него там все-таки нож, решила я. Нож достаточно просто умыкнуть на кухне или попросту пронести с воли. Да, вас полагается обыскать после того, как вы побывали за пределами больницы, но этим они заморачиваются довольно редко, а если и обыскивают, то без особого рвения.

В обыкновенном аэропорту и то вдумчивей шмонают.

Отведя взгляд от тамбура, я заметила, что один из детективов стоит возле мужского туалета, глядя прямо на меня, так что пусть даже знала, что времени у меня всего ничего, все равно вышла из своего укрытия, засунула руки в карманы халата и шагнула вперед, чтобы переговорить с ним.

– А кто тут старший? – поинтересовалась я.

– Простите? – Капюшон защитного комбинезона он уже откинул, так что мне было видно растерянность у него на лице. Это оказался мужик лет сорока с чем-то, с бритой головой и в очках. Похожий на футбольного хулигана, пытающегося косить под приличного.

– Просто можете передать тому, кто тут всем рулит, что я тут поблизости, если они захотят переговорить.

– Обязательно передам, – заверил он.

Было трудно понять, издевается он или нет, но я решила трактовать сомнения в его пользу.

– У меня есть кое-какая подкожная информация, так что обязательно передайте.

– Очень хорошо.

– Внутренняя информация из первых рук.

– Ладно.

Я кивнула, и он кивнул в ответ. Потом сказала:

– Знаете, где в случае чего меня искать?

Как это ни печально, практически в тот же момент стало ясно, что Феми с Джорджем тоже прекрасно представляют, где меня искать. Оба привидениями возникли за спиной детектива, который поспешно отступил в сторонку, когда наконец просек, что происходит.

– Алиса, – укоризненно произнесла Феми. – Ну что ты такое творишь?

Покачав головой, я протянула к ней запястья, как бы для наручников. Бросила взгляд на копа – оценил ли тот шутку, но он вроде как нашел ее не более смешной, чем Феми с Джорджем.

Джордж принялся подталкивать меня в сторону моего коридора со словами:

– Детка, это становится все более глупым. Ты ведь знаешь, что мы сейчас разбираемся с очень серьезной ситуацией.

– Естественно, знаю! А я здесь зачем, как думаешь?

Я обернулась на копа, который все смотрел, как меня уводят прочь. Покачала головой, типа: «Ну не смехотворно, а? Они просто ни во что не врубаются!»

Когда мы оказались у двери моей спальни, Джордж сказал:

– Если мы еще раз поймаем тебя за пределами комнаты, то у нас будут проблемы. Ты поняла?

Я поняла, что он говорит об изменении моего так называемого статуса наблюдения. В тот момент я находилась под ежечасным наблюдением, как и большинство остальных, но он легко мог изменить этот интервал на пятнадцатиминутный, если бы решил, что я слишком уж распустилась, или на наблюдение «в пределах поля зрения» (ППЗ), а то и даже на самый ненавистный статус «в пределах непосредственной досягаемости» (ПНД), который означает, что кто-то будет постоянно находиться в моей палате вместе со мной практически на расстоянии вытянутой руки. Никому в здравом уме не хочется попасть на ПНД.

Я заверила его, что прекрасно все поняла, и сунулась вбок от него, чтобы обнять Феми.

– Она будет молодцом, – сказала Феми. – Правда, лапочка?

Через полчаса, когда я опять приоткрыла дверь своей спальни, Феми сидела снаружи, улыбаясь мне. Через полчаса после этого она все еще была там, и на сей раз даже не озаботилась поднять взгляд от своего журнала. Я сказала ей, что она коза сраная, с треском захлопнула дверь и немножко поорала, но уже знала, что Феми никуда не уйдет.

Остаток ночи я особо не спала, но больше уже не пыталась выйти из комнаты.

Это была не проблема, поскольку я уже увидела все, что мне требовалось. Замолвила словечко, где это имело значение, дала о себе знать. Сбросив ногами одеяло, я лежала без сна, размышляя про Кевина, про своего бывшего напарника Джонно и про ножи, проворачивающиеся в животе. Прикрыла глаза и попыталась представить, каково это *быть* ножом. Проскальзывающим внутрь и закручивающимся винтом – твердым, острым и мокрым.

Я знала, что к утру комнату Кевина опечатают и что персонал сделает все возможное, чтобы вернуть отделение к нормальной жизни. Ильяс, Лорен и вся остальная шайка будут слоняться по коридорам, стораая от любопытства, но несолоно хлебавши. Я знала, что оградительную ленту уберут, а все важные улики будут учтены и надежно убраны. Знала, что группы из убойного отдела на тот момент уже не будет.

Хотя меня это вполне устраивало. Это было только к лучшему.

Поскольку я знала, что они еще вернутся.

6

Говорите про отделение «Флит» что угодно – а уж поверьте, у меня есть много что сказать на эту тему, – но что касается меню завтрака, то по сравнению с ним большинство прочих заведений общепита выглядит довольно бледно. Всего лишь пятнадцатисекундный рывок на подгибающихся ногах от столовой до окошка для раздачи лекарств предоставляет всем без исключения посетителям местного «кафетерия» возможность начать день с бодрящего бензодиазепина после овсяной каши. Или, может, вы предпочитаете нечто более традиционное – вроде одного из ингибиторов обратного захвата серотонина? Кстати, они великолепно сочетаются с более легкими яствами вроде фруктов или выпечки (в данный момент не имеются в наличии), ну а гурманов с несколько более нестандартными взглядами на жизнь ждет изготовленный по особому рецепту антипсихотик, разработанный специально в качестве дополнения к полному английскому завтраку и от которого на груди у вас с гарантией вырастут волосы, а расчетная продолжительность жизни сократится лет на десять.

Имеется даже целая смесь подобных «десертов» для немногих избранных обитателей отделения с еще более изощренными запросами. Стимуляторы, транквилизаторы, регуляторы настроения... что только не пожелает distinguished клиент или не пропишет его консультант. Поверьте знающему человеку: если вас не особо заботит декор или уровень обслуживания – это место стоящее. Предварительный заказ столика не требуется, но предупреждаю, что народу всегда полно, и если вы любитель «таблеток счастья» и ботулизма, то во «Флите» потчуют на любой вкус и кошелек.

Правда, пускают в это замечательное место только реально чокнутых, естественно.

В то воскресное утро, на следующий день после того, как нашли тело Кевина, я замечательно позавтракала яичницей-болтуньей, вскоре за которой последовали оланзапин и немного вкуснящего вальпроата натрия¹⁹. Пока Айлин и ее особо не разговорчивые помощники убрали грязные тарелки и кружки, я сидела в столовой с Ильясом (сэндвич с беконом и рисперидон), Лорен (сосиски, яичница, каша, лоразепам и клозапин), Шоном (тост и сертралин) и Донной (греческий йогурт, принесенный кем-то из посетителей, – неоткрытый – и ламотриджин).

– Просто офигительно! – Лорен ухватила своей мясистой ручищей проходящую мимо Айлин. – Давненько такого не пробовала!

– Рада слышать, – улыбнувшись, отозвалась Айлин.

Лорен восприняла это как намек и принялась распевать песнь во славу своего завтрака, но, к счастью, та оказалась довольно короткой, а потом просто сидела, насупившись, поскольку никак не могла подобрать рифму к слову «сосиски».

– А где Кевин? – спросил Ильяс.

Все уставились на него.

– Ах да, – сказал Ильяс.

Донна отодвинула от себя так и несъеденный йогурт.

– Полная дикость, правда?

– Ну да, не сразу в голове укладывается, – согласилась я.

– Я все равно думаю, что это он сам. – Донна потянулась на стуле, готовясь к нескольким часам безостановочной ходьбы. – Это так печально...

– Ошибаешься, – сказала я.

– Тебе-то откуда знать? – спросила Лорен.

– Есть откуда. Я уже поговорила с одним из детективов.

¹⁹ Оланзапин – антипсихотический препарат; вальпроат натрия (вальпроевая кислота) – противосудорожное средство.

– Не свисти, – презрительно буркнула Лорен.

Шон разрыдался, закрыв руками лицо.

– Все нормально, что ты расстроен, – сочувственно произнесла я. – Тебе нужно выплакаться. Выпустить это из себя.

Лорен ухмыльнулась.

– Он всегда выпускает это из себя. Обычно прямо под столом. Или это Кевин?

Покачивая головой, я показала подбородком на Шона.

– Серьезно? Думаешь, это нормально отпускать такие вот дурацкие шуточки, когда у него друга убили?

– Кого убили? – встрепенулся Ильяс.

– Ты полный мудака, – сказала Лорен. – Иди уже отсюда.

Тут Шон прекратил всхлипывать и убрал руки с лица, оставив один палец прижатым к подбородку. Наклонился ко мне, широко раскрыв глаза.

– Я скоро умру? Я скоро умру? Я скоро умру?

Я заверила его, что все с ним будет в порядке, и он благодарно кивнул. Нацепил на себя улыбку, и я проследила, как он встает и медленно движется к дверям, где уже наготове стояла Малайка, чтобы обхватить его за плечи.

– Ну, пошли, дорогой, – сказала ему она.

Люди уже вставали из-за соседних столов, потихоньку расползаясь по своим комнатам. Мы посмотрели, как Грэм аккуратно промакивает уголки рта бумажной салфеткой, тоже встает и шаркает к выходу, готовый занять свое место перед окошком для выдачи лекарств. Тварь пересек столовую и где-то с минуту постоял возле нашего столика, болтая своим килтом.

Я не упоминала, что Тони носит килт?

Наверняка да, учитывая, что он такой же шотландец, как и я, но, полагаю, это не относится к тем вещам, которые я с некоторых пор нахожу странными.

Я давно уже привыкла практически к любым странностям.

– Мне нужно идти собирать вещи, – объявил Тони.

– Надо так надо, – сказала Лорен.

Я еще кое-что забыла. Тони проводит по меньшей мере пару часов в день, стоя перед входом в тамбур в пальто и с собранными сумками, дожидаясь каких-то своих родственников из Америки, которые типа как должны приехать и забрать его. Я провела тут уже несколько дней, когда кто-то из санитаров сообщил мне, что никаких родственников в Америке у Тони не имеется. Я даже не убеждена, что у него в принципе есть родственники, поскольку никто его не навещает. Может, это его выбор, естественно, поскольку он никогда не может быть уверен, что Тварь не обернется кем-нибудь из них.

Когда Тони отвалил, Ильяс произнес:

– Никто не желает партейку в шахматешки?

– О боже ты мой... – процедила Лорен.

Я помотала головой.

– Да ладно вам, – настаивал Ильяс. – По воскресеньям такая скукотища...

– Уже не скукотища. – Откинувшись на стуле, Лорен шмыгнула носом и мотнула головой в мою сторону. – Только не когда эта наша Джульетта Браво²⁰ предполагает, что это было... убийство.

²⁰ *Джульетта Браво* – главная героиня одноименного британского телесериала из 88 эпизодов, женщина-полицейский. Имя происходит от радиопозывного J-B (Джулиэт-Браво, согласно латинскому фонетическому алфавиту).

«Браво» она произнесла с характерным раскатистым «р», явно выделяясь, что вызвало у меня раздражение. Я едва удержалась, чтобы не заметить ей, что она пытается передразнивать Таггерта²¹, а не Джульетту Браво.

– Ничего я не предполагаю, – возразила я. – Детективы из убойного тут всю ночь проторчали. Говорю же вам, я с ними уже общалась. Вообще-то я собираюсь помочь им в расследовании.

Лорен опять принялась напевать, немного изменив слова той старой песенки Софи Эллис-как-там-ее:

– Убийство у нас в дурдоме... Я сожгу тут все к херам, дотла!..²²

– Что, правда? – спросила у меня Донна, когда Лорен закончила. – Ты будешь помогать?

– Вполне разумный ход, если как следует подумать, – ответила я. – Использовать профессионала, хорошо знающего местную изнанку.

– А можно я буду твоим... как это называется? – спросил Ильяс. – Напарником.

Лорен издевательски фыркнула сквозь свои дурные зубы – прямо как пёрнула. Глянув на одну из измазанных яичным желтком вилок, которые Айлин еще не успела убрать, я подумала, не воткнуть ли ее в жирную рожу Лорен.

– Посмотрим, – сказала я. – Я переговорю со старшим детективом-инспектором.

Лорен все еще ржала, когда к нам подсел Маркус. Обычно его по воскресеньям не бывает, но выходные были явно не из обычных. Он спросил, как кто себя чувствует, и сказал, что надеется, что мы не слишком потрясены ночным происшествием.

– Я-то к этому давно привыкла, – ответила я. – Я им тут как раз рассказывала, что в отделении было не протолкнуться от ребят из убойного, пока они дрыхли.

– Эй, погоди-ка, Алиса...

– Что, разве тут не было детективов?

– Давай не будем говорить про убийство. Это совсем ни к чему.

– Скажи им.

– Да, здесь были детективы. И, судя по всему, ты вела себя не лучшим образом.

– Просто делала свою работу, – возразила я.

Маркус покачал головой, а потом сказал то, ради чего и подошел:

– Хочу поставить вас в известность, что, к сожалению, никаких занятий завтра не будет, поскольку эрготерапевт²³ не придет.

– Ну вот еще, – недовольно протянула Лорен.

– А мне так по барабану, – объявил Ильяс.

– А как же мое рисование? – Бледно-голубые глаза Донны немедленно наполнились слезами. Наверняка они у нее и впрямь больше размером, чем у всех остальных, но из-за того, что все остальное лицо у нее такое худое, всегда кажутся просто огромными, словно у инопланетянина из того фильма²⁴ или у одного из этих трогательного вида детишек на картинах. – А когда она вернется?

Маркус пожал плечами.

²¹ «Таггерт» – шотландский детективный телесериал; его главный герой, инспектор полиции Глазго Джим Таггерт, изъясняется с характерным шотландским акцентом.

²² Имеется в виду композиция *Murder on the Dancefloor* (2001) в исполнении британской поп-певицы Софи Эллис-Бекстор, один из ее главных хитов. В оригинале куплет звучит примерно так: «Убийство на танцполе... Но ритм не убивай, диджей, я сплю тут все к чертям, дотла!» По сюжету песни и клипа Софи убивает всех своих соперниц и даже судью, чтобы победить в танцевальном конкурсе.

²³ *Эрготерапия* – раздел клинической медицины, специализирующийся на оценке, развитии и восстановлении активности людей, которые в результате болезни или травмы потеряли способность двигаться, координировать движения или заниматься повседневными делами. В это понятие входят трудотерапия, арт-терапия (рисование, лепка) и др.

²⁴ Имеется в виду детский фильм «Инопланетянин» (E. T. the Extra-Terrestrial) режиссера С. Спилберга, вышедший на экраны в 1982 г.

– Не могу сказать. Сами знаете, как это бывает.

Да, мы достаточно хорошо это знали, пусть даже большинство на самом деле не понимало причин. Психолог отделения ушла в декретный отпуск еще до моего поступления, да так и не вернулась. Когда я здесь появилась, здесь было меньше на две койки и на одного санитаря и гораздо больше временного персонала.

Все из-за денег, все как обычно. Финансы поют романсы.

– В Мете такая же фигня, – заметила я.

– Радоваться нечему, но что мы тут можем поделать? – Маркус поднялся. – Нам все равно пришлось бы отложить занятия, поскольку полиция сказала, что еще вернется. Им понадобится поговорить абсолютно со всеми. И с сотрудниками, и с пациентами.

Я с трудом удержалась, чтобы победно не рубануть кулаком воздух и не выкрикнуть что-нибудь.

Я действительно думала про Кевина – ну естественно, думала: про то, как где-то на секционном столе морга расстегивают «молнию» мешка для трупов, и через что предстоит пройти тем, кто любил его, – но не было смысла делать вид, будто я не пребываю в дурацком восторге – впервые с той самой ночи, как меня приволокли сюда за руки за ноги. Принятая с утречка доза оланзапина уже начала действовать, сглаживая некоторые острые углы, но даже при этом я вдруг почувствовала себя такой живой, такой похожей на саму себя, какой уже очень давно себя не ощущала.

– Показания, верно? – Я старалась не кричать во весь голос. – Им нужно снять с нас показания!

– Думаю, что да, – отозвался Маркус.

– Выяснить, кто где находился и кто что делал, когда обнаружили тело. Вернее, перед тем, как его обнаружили. – Кивнув, я обвела взглядом стол, посмотрела на Ильяса и Донну, и наконец, на Лорен. Позволила своим глазам остановиться на ее глазках, поросячьих и припухших. Позволила тому, что только что сказала, повисеть в воздухе достаточно долго.

– Так что лучше бы нам, ребятки, не путаться в показаниях!

7

«Приветик, дамочки!»

Так ведь вроде выражаются всякие козлы, которые мнят себя писаными красавцами? Мужики в надежде кого-нибудь снять, от которых несет «Пако Рабан» и которые подходят к любой группе женщин в баре или где угодно – просто на случай, что среди них найдется хоть одна страдающая от жажды/близорукая/достаточно отчаявшаяся, чтобы позволить какому-нибудь заросшему трехдневной щетиной хрену угостить ее выпивкой. В равной степени так мог бы выразиться и Энди, он теперь опять человек холостой. Честно говоря, как раз такого рода игривыми выраженьицами он регулярно и сыпал, хотя на самом-то деле мы не так уж долго пробыли вместе, чтобы я как следует его узнала. О, вообще-то, выяснила я вполне достаточно, и прежде чем вы успели что-то сказать, мне не нужно напоминать, что он наверняка думает в точности то же самое. Что он сыт по горло ненормальной вроде меня, что он едва спасся и что ему жутко повезло вовремя открыть, что я собой представляю.

Несмотря на трещину в черепе.

Хотя что я на самом деле из себя представляю? Ну, это вопрос на шестьдесят четыре тысячи долларов²⁵...

Была ли я сама собой, когда жила нормальной человеческой жизнью, делая все возможное для поимки убийц и насильников? Или я стала настоящей только когда «приболела» и начала видеть, какое зло могут представлять собой так называемые «приличные люди»? И на что на самом деле способны парни, о которых все отзываются как о «славных» и «добрых»... Когда мне открылись все их темные желания, тайные интриги и сделки, которые они заключают с дьяволом (ну, это в переносном смысле, так далеко я все-таки не заходила).

Хитрый вопрос, вряд ли вы будете это отрицать.

А вот вы... Вы – это вы, когда вы трезвы как стеклышко, или же настоящий «вы» выходит наружу порезвиться только после стаканчика-другого? Может, вам стоит подумать на этот счет, прежде чем судить меня или кого-либо из тех, кто сидит там же, где и я, раз уж на то пошло. Вот и все, что я хочу сказать.

А раз уж об этом зашла речь... приветик, дамочки!

Честно говоря, по-моему, большая часть этой компашки запросто позволит вам угостить их выпивкой, и осмелюсь предположить, что одна или две с радостью позволит вам себя натянуть, даже если им просто подбросить пакетик чипсов, но вам следует помнить, что отсутствие самоуважения тут вообще основная проблема.

Итак, выходите раскланиваться, мои красотки!

ЛЮСИ, она же Косячок. Могу предположить, что ее родители наверняка владеют большей частью Сассекса или чем-то в этом роде, поскольку изъясняется она, как член королевской фамилии, а предки вечно таскают ей всякие дорожные деликатесы и офигительные шмотки, но при всем этом она еще и просто обалденная девчонка. С ней реально весело, хотя Люси может растерять часть этого веселья, если стоять к ней слишком близко, и ей очень не нравится, когда до нее дотрагиваются. Пугается буквально до чертиков. Я как-то видела, как она плюнула в Джорджа, когда тот попытался отечески ее приобнять. Точно так же, как с большинством здешней публики, я не знаю, повредила ли Люси умом еще до наркотиков, или же это наркотики повредили ей мозг, но так или иначе... Да, я в курсе, почему ребята в моих краях в итоге подсаживаются на тяжеляк, но никогда не могла понять, при чем тут вся эта шикарная

²⁵ «Вопрос на 64 000 долларов» – британское игровое телешоу, основанное на одноименной американской телевикторине 1950-х гг.

публика и героин. Типа, у меня есть пони для поло и дом с лабиринтом в саду, так чего же мне еще не хватает?.. Ах да, только модного увлечения ширевом.

Хотя раз так, то только чистейший «Белый китаец»²⁶ и иголки к шприцу от «Картье», разумеется.

Про заскок насчет плоской Земли я уже упоминала, но это еще цветочки по сравнению с другими теориями, которые Лю-Косячок регулярно задвигает. Вышки 5G распространяют коронавирус, теракт одиннадцатого сентября в Нью-Йорке устроили свои, Луна – не настоящая, «битлы» никогда не существовали, и да – никогда не поднимайте с ней тему инверсионных следов, которые оставляют за собой самолеты. В зависимости от того, в каком Люси находится настроении, это либо правительство пытается управлять погодой, либо они распыляют на нас что-то, что должно превратить нас в зомби. Послушайте, я в курсе, что у меня в свое время тоже с головушкой было не все в порядке, но это уже полный запредель; и звучит еще забавнее, когда она несет всю эту пургу со своим идеальным выговором, поставленным в дорогой частной школе, и при этом выглядит так, словно сошла со страниц журнала «Вог». Издалека выглядит, надо уточнить, поскольку вблизи (настолько вблизи, насколько она вас к себе подпустит) вам будет видно, что кожа у нее от ширева серая и скукоженная, а зубы – что у того мужика из группы «Погс»²⁷. Хотя сама она без червоточинки, что самое главное, и от нее никогда не услышишь каких-то гадостей в чей бы то ни было адрес. Когда Лю-Косячок не проповедует, как какая-нибудь тупая овца, она ради вас последнюю рубашку с себя снимет, и уж поверьте мне: любой из ее обносков очень даже стоит заполучить, поскольку если вы вдуете его на «Ибэй»²⁸, то на вырученные деньги наверняка сможете несколько месяцев выплачивать взносы по ипотеке за свою однушку на окраине.

ДОННА, она же Ходунок. Нет, она не пользуется ходунком или палочкой, и в общем и целом не инвалид. Ходунок она просто потому, что постоянно ходит. И тот факт, что на фоне Донны даже Лю-Косячок (у которой фигура, за которую я убила бы) выглядит малость полной, скажет вам все, что вам на самом-то деле требуется знать. Ну, не все, естественно. Не скажет почему. Если б я знала, что в натуре происходит у кого-нибудь в голове, у меня давно был бы «Мерседес» и кабинет с личной секретаршей. По правде сказать, про всех этих чокнутых, с которыми меня закрыли, я могу поведать только то, что сама вычислила на основании того, как они себя ведут и какие лекарства принимают. Или что они случайно выболтают.

Донна вообще не выдает ничего такого, чего нельзя услышать на среднестатистической автобусной остановке или в очереди на почте, но вам достаточно лишь посмотреть на нее, чтобы понять, что в ней не так. Или что это «не так» сделало с ней, по крайней мере. Достаточно лишь раз увидеть, как она целую вечность разрезает одну несчастную морковку на двадцать кусочков, долго возюкает их по тарелке, а потом проводит еще пару часов, лихорадочно расхаживая взад-вперед по коридору, чтобы сжечь калории, которые так и не оказались у нее в организме. На ней постоянно спортивный костюм, словно она готовится к каким-то соревнованиям или типа того.

Донна здесь не единственный пациент, который уверяет, что ему здесь не место, но (не считая вашу покорную слугу) она наверняка единственная, кому тут и вправду нечего делать.

²⁶ «Белый китаец» (англ. China White) – синтетический наркотик из группы фентанилов, в несколько сотен раз сильнее героина. А «китаец» потому, что изначально был синтезирован и производился в массовых количествах в Гонконге.

²⁷ «Погс» (англ. Pogues) – англо-ирландская панк-группа, образованная в 1982 г. в Лондоне. Первоначальное название группы Rogue Mahone является англицизацией ирландского выражения *róg mo thóin* («поцелуй меня в жопу»). Фронтмен группы Шейн Макгоуэн отличался жуткими переломанными зубами, которые с удовольствием выставлял напоказ (если можете представить, как одно время выглядел солист нашей панк-группы «Король и шут» Михаил Горшенев, то поймете, о чем речь).

²⁸ «Ибэй» (англ. Ebay) – популярный интернет-аукцион, нередко используемый в качестве виртуальной барахолки.

По всем раскладам ей следовало бы находиться в какой-нибудь приличной клинике, специализирующейся на расстройствах пищевого поведения, но, видать, нигде не нашлось для нее свободного места. (Ильяс вот прямо сию секунду говорит, что все это чушь, поскольку не похоже, чтобы ей требовалось особо много места).

Донна мне как-то рассказывала, что она откуда-то с юго-запада, но название места я сейчас уже и не вспомню. У нее есть какой-то акцент, но очень мягкий, как и все остальное в ней. Я сейчас говорю о ее личных качествах. Тело-то у нее сплошь состоит из углов и острых граней. Душа у нее нежная, она никогда не станет дразнить гусей и никогда не поднимет голос, а вид ее всегда такой, будто она на грани слез, так что с ней приходится обращаться аккуратно. Когда мой папа впервые ее увидел, то сказал, что она похожа на привидение, и я понимаю, что он этим хотел сказать. Донна летает по отделению, словно призрак, хотя, думаю, он просто имел в виду, что она в буквальном смысле слова просвечивает насквозь.

Так что да, Донна постоянно находится в движении. Утром, днем и ночью, и не останавливается, даже когда с кем-нибудь разговаривает. Если хочешь что-то с ней обсудить, то готовься к полумарафону, хотя ирония ситуации тут в том, что я никогда еще не встречала человека, который бы так остро нуждался в половинке «Марафона»... и парочке батончиков «Марс». Ну да, я в курсе, что «Марафон» теперь называется «Сникерс»²⁹, но тогда и шутка не удалась бы, верно?

ДЖАМИЛЯ, она же Педикюрша. Возраст – полтинник с чем-то, если бы меня попросили угадать. Миниатюрная сомалийка, с очень красивыми седыми волосами, которые доходят ей до пояса – это когда она снимает платок. Джамми (не уверена, что ей нравится, когда я ее так называю) – это еще одна из здешних обитательниц, которой особо нечего поведать для себя, хотя есть одна тема, насчет которой она необыкновенно словоохотлива. Наверное, Джамми предлагает это не так часто, как Ильяс призывает сразиться в шахматы или Шон спрашивает, скоро ли он помрет, но и дня не проходит без того, чтобы она не предложила мне – а заодно и всем присутствующим в той же комнате – сделать педикюр. В этом нет абсолютно ничего угрожающего или стремного, я не хочу, чтобы вы так подумали, поскольку, сказать по правде, ведет она себя при этом чрезвычайно вежливо.

– Не желаешь ли педикюр, Алиса? – Негромко, с сильным акцентом. – Нет? Ну ладно, тогда...

С утра первым делом Джамми уже полностью готова к работе – полна энтузиазма добраться до твоих нижних конечностей. То же самое, когда ты ешь, или, что еще более странно, после деликатного стука в дверь твоей комнаты посреди ночи.

Честно говоря, понятия не имею, занималась ли Джамми этим когда-то профессионально, не часть ли это ее прошлой жизни, за которую она продолжает цепляться, но почему-то сомневаюсь. Я в курсе, что и сама цеплючая в этом смысле, но мои отношения с Системой – совершенно другая вещь, согласны? Есть кое-какие серьезные неоконченные дела. Так что в случае с Джаммией я могу лишь предположить, что это как-то связано с сексом. Ну, есть же люди, которые заиклены на ногах, так ведь? Согласна: по ее виду не скажешь, чтобы она находила вообще хоть что-либо сексуально возбуждающим, даже секс как таковой, но это, наверное, последний случай, когда стоит судить книгу по обложке, так что я не спешу с выводами.

То, что я точно могу сказать, так это что не собираюсь занимать очередь за ее услугами в любое ближайшее время.

Точно не знаю, что включает в себя педикюр, но у меня есть знакомые, которые его делали, и, насколько я понимаю, это связано с работой специальными ножничками. Прида-

²⁹ Шоколадные батончики «Сникерс» американской компании «Марс» вплоть до 1990 г. носили в Великобритании и Ирландии название «Марафон», причем с тем же оформлением обертки – синие буквы на коричневом фоне.

ние формы, подрезка... Мозоли вроде еще удаляют... В смысле, могу предположить, что при поступлении у нее отобрали столько же полезных вещей, что и у всех остальных из нас, но некоторые люди лучше умеют прятать, так что стоит ли рисковать?

Никому здесь не позволю лезть к моим ногам с острыми инструментами!

ЛОРЕН, она же Певичка. Из Кента или Эссекса... короче, откуда-то из тех краев, и я уже почти было остановилась на совсем другой кликухе, поскольку буквально во вторую мою ночь здесь она ворвалась ко мне в комнату, спросила, нельзя ли воспользоваться моим туалетом, и описала мне весь пол. В смысле, действительно *весь*, причем не только у меня. Кстати, комнаты у нас тут хоть и одноместные, но без собственных туалетов – все пользуются общественными, мужским и женским. Как выяснилось, такое она проделывала абсолютно у всех, будто метила территорию. Так что я почти было остановилась на Женщине-Кошке, но пусть даже эта ее манера поливать окрестности мочой куда более неприятна, чем ее безголосые завывания. Последнее происходит намного чаще, и уж поверьте мне: сексуальную красотку из фильмов про Бэтмена она ничем не напоминает, так что пусть будет Певичка.

Лорен с равным успехом может быть как тридцатник, так и полтос, и вообще-то она и впрямь немного похожа на Адель³⁰ (до того, как та стала жить на свежем воздухе, питаться капустой и потеряла весь этот вес), но, увы, находится во власти трагического заблуждения, что и голос у нее ничуть не хуже. Хотя должна сказать, что иногда это пение может быть достаточно забавным. Лорен находится на принудительном лечении уже третий раз, и я не могу не признать, что и вправду смеялась несколько дней после своего поступления сюда, когда заставляла ее в туалете распевать серенады перед зеркалом.

«Я и раз, и два... и три раза дура...»³¹

Но...

Знаете, как в тюрьмах бывают паханы и прочие подобные типы? Кого все малость опасаются, и которые более или менее всем там рулят? Так вот, Лорен – это пахан отделения «Флит». Никто с Лорен предпочитает не связываться – ни Ильяс, ни Тони... вообще никто. Даже Джордж с Маркусом стараются держаться от нее подальше, когда на нее находит, и она под самым жестким наблюдением «в пределах непосредственной досягаемости» гораздо чаще, чем нет.

Она просто... редкостная гадина.

Таких ведь и в обычной жизни хватает, точно? Я встречала множество подобных ей, когда работала, насмотрелась на них от пуза, так что кое-что в ней, что я с ходу засекла, мне сразу же решительно не понравилось. Почему она такая? Это не наркотики, я вполне в этом уверена, так что единственное, что приходит в голову, это какого-то рода «расстройство туалетного поведения», если такое вообще бывает. Серьезный случай СДВГ³² или еще какой-то перекос личности. Кто знает, может, она просто не может удержаться. Может, прячется каждый вечер в своей комнате и рыдает там в подушку, прижимая к себе плюшевого медведя или уж не знаю что, но факт в том, что, болтаясь по отделению днем, Лорен может быть просто жуткой короной. Как и все задиры, она хочет реакции на свои действия, и от большинства людей обычно ее получает. Слезы или подхалимаж, ежедневные соревнования, кто кого перекричит.

Я стараюсь не вписываться и держусь от нее подальше, но это сложно.

Мы живем буквально на головах друг у друга, и иногда у вас просто нет выбора.

³⁰ Адель Лори Блу Эджинс (р. 1988) – британская певица, автор-исполнитель и поэтесса, лауреат 15 премий «Грэмми». В 2020 г. при помощи капустной диеты и смены образа жизни сумела сбросить почти 45 кг веса.

³¹ Переделанная композиция Three Times A Lady американской соул-группы «Коммодорс», впервые прозвучавшая в 1978 г. («Ты и раз, и два, и три раза леди...»)

³² СДВГ – синдром дефицита внимания и гиперактивности.

Однажды мы с Лорен обязательно сцепимся всерьез, и ничего хорошего из этого не выйдет.

8

Показания стали снимать прямо с утра в понедельник, вызывая нас по одному в МПП из столовой. Наверное, в алфавитном порядке, но не готова в этом поклясться, поскольку многих не знаю по фамилии. Первым вызвали Ильяса, это я помню, потом пару «добровольцев», а дальше Джамилю. Все остальные околачивались в столовой, дожидаясь своей очереди.

Я надела наушники, ничего не слушая.

Не стану врать – чувствовала себя, как кошка на горячих кирпичках.

К нам приставили одного человека из опергруппы – женщину, которая слишком много улыбалась, – и та ясно дала нам понять, что они не хотят, чтобы мы обсуждали друг с другом то, что произошло две ночи назад, и уж тем более общались с теми, с кого уже успели снять показания. Обсуждать все прочие темы, естественно, дозволялось, никого она не останавливала. Ни Ильяса, когда тот предложил ей сыграть партию в шахматы, ни Джамилю, предложившую ей привести в порядок ноги...

Хотя все это было все равно тоскливо.

Мне оставалось лишь держаться, повторяя себе, что у меня будет полно времени, чтобы позже расспросить остальных обо всем, что было сказано и услышано.

Я понимала, почему копы так себя ведут, – разумеется, понимала! Кому охота, чтобы информация оказалась подпорченной или сочтена ненадежной, и в итоге ее можно было бы легко подвергнуть сомнению и отместить. Вы просто не представляете, какую осторожность следует проявлять в таких случаях... касательно абсолютно всего. Как-то раз шестимесячное расследование убийства у нас в последнюю минуту пошло псу под хвост, потому что никто не предложил подозреваемому – которого доставили вечером перед допросом – хоть что-нибудь поесть. Можете в это поверить? Его адвокат заявил, что в ходе допроса его клиент находился не в надлежащем состоянии, так что все его показания пришлось аннулировать, и дело развалилось. Так вот все в наши дни и происходит.

В результате, пока я сидела в ожидании вызова в МПП, мне оставалось только гадать, насколько надежными могут оказаться любые наши показания. Себя я в расчет не беру, естественно, но наверняка эти копы должны были хоть немного представлять, с какой именно публикой беседуют. Для защитника пять минут дела – пробить дыры во всем, что нашлось бы сказать у Люси или у Твари. Не слишком-то сложно убедить судью, что это совсем не то, что принято называть «надежными свидетелями».

«Дамы и господа, вас только что заверили, что свидетельница „А“ может легко опознать подсудимого, но вам также следует знать, что она считает, будто Луна – это голограмма...»

Я сознаю, что тогда наверняка забежала вперед паровоза, но в первые дни следствия всегда полезно подумать о том, что может произойти в дальнейшем, поскольку все далеко не так просто. Вам нужно быть готовым к любым непредвиденностям.

Когда ответственная за нас объявила, что теперь моя очередь, я соскочила со стула и вылетела из двери в коридор, как сопля из носа. Возле ординаторской стояли Маркус и Феми, и Феми сказала мне: «Ничего не бойся!», когда я пробежала мимо них, что было просто смешно, поскольку я была последним человеком, которому было чего бояться. Я улыбнулась, чтобы они смогли это понять. Ильяс у меня за спиной выкрикнул: «Ничего им не рассказывай!», а Лорен опять затянула свою песенку про убийство в дурдоме.

По пути в МПП меня перехватила еще одна женщина-полицейский, которая завела меня в один из процедурных кабинетов и очень вежливо поинтересовалась, не желаю ли я добровольно предоставить образцы ДНК и отпечатки пальцев с целью исключения меня из числа подозреваемых. Она объяснила, что просит об этом абсолютно всех в отделении.

– Некоторые из них почти наверняка вам откажут, – сказала я ей. – В смысле, из пациентов. Хотя не тратьте зря время, пытаюсь в этом разобраться. Кое-кто даже не назовет вам собственное имя, а то и даст фальшивое. А есть и такие, которые могут укусить вас, если вы подойдете к ним... с чем-то вроде этого. – Я мотнула головой на пластиковый контейнер, из которого она достала ватную палочку. – Вам нужно представлять, с кем вы имеете дело.

Ее улыбка показала множество великолепных зубов, но была абсолютно лишена хоть каких-то эмоций.

– О, не волнуйтесь, мы это прекрасно представляем, – отозвалась оперативница. Начала растолковывать мне процесс, словно я дитя малое, объяснять, что это не больно и что ей нужно взять мазки с обеих сторон рта.

Я подняла руку, останавливая ее.

– Я уже делала это.

– У вас уже брали образцы ДНК?

– Нет. – Настала мой черед улыбнуться. – Мне самой приходилось делать то, что вы делаете сейчас. – На лице у нее опять абсолютно ничего не отразилось, только на сей раз мне было абсолютно начхать, поверила она мне или нет. – Так что можете особо не переживать. В смысле, да, в данный момент я по уши накачана лекарствами, так что малость в растрепанных чувствах, но вряд ли стану вас кусать.

* * *

Это оказался тот самый детектив, с которым я уже общалась возле мужского туалета в ту ночь, когда все это произошло. Ну, вернее, в ранние часы следующего дня, если вы желаете совсем уж полной точности. Гопник в очках. Он сидел за письменным столом в костюме и при галстуке. За тем же столом, за которым сидела судья, когда я была здесь на последней комиссии по переосвидетельствованию.

– Я – детектив-констебль Стив Седдон, – представился он.

Я подалась вперед, чтобы изучить бейджик, висящий на шнурке у него на шее.

– А я Алиса Армитейдж. Лис.

– Я в курсе. – Он открыл чистую страницу в лежащем перед ним блокноте и принялся что-то записывать.

Ему предоставили список всех пациентов, естественно, и наверняка именно этим его осведомленность и объяснялась, но, сидя там, я предпочла бы думать, что кто-то уже рассказал ему обо мне. Как коллеге про коллегу. Слухом земля полнится, и в Мете всегда найдется какое-нибудь трепло, на которое можно положиться в плане распространения подобной информации.

– Я тоже детектив-констебль, – сообщила я. Наклонилась над столом и повернулась посмотреть на дождь, струящийся по маленькому окошку. – Убойный отдел Восточного округа.

Он даже не поднял взгляд от блокнота.

– Очень хорошо.

Наверняка можете представить, как разозлила меня реакция детектива-констебля Седдона – вернее, ее полное отсутствие. Как будто я сказала ему, что я – Бритни Спирс. С равным успехом на моем месте могла оказаться Лю-Косячок, рассуждающая об инверсионных следах. Наконец он оторвал взгляд от блокнота и глубоко вздохнул, а на лице его появился намек на улыбку, давая мне знать, что он это понял, и мне сразу стало видно, что на самом-то деле ему жутко не хочется торчать здесь. Что он считает, что снимать показания с кучки каких-то психов – лишь бесполезная трата времени.

Трудно было его в этом винить, впрочем.

– Мисс Армитейдж... как вы уже наверняка догадались, мы здесь сегодня для того, чтобы собрать как можно больше информации о том, что могло произойти в вечер смерти мистера Конноли. Тем субботним вечером, помните? Два дня тому назад.

Вот и фамилия Кевина выяснилась – Конноли.

– Может, просто начнем с того, что вы расскажете мне все, что считаете важным? Все, что вы могли видеть или слышать, и что, по вашему мнению, может оказаться полезным.

Ничего не ответив, я опять повернулась к окну. Я собиралась заставить Стива немного попотеть – посмотреть, из какого он теста.

– Естественно, я видела целую кучу народу, – начала я. – Сотрудников отделения, других пациентов... Все мотались туда-сюда.

– Тогда позвольте мне быть более конкретным. Как насчет половины девятого? Нам известно, что мистер Конноли рано ушел спать, сразу после ужина, так что...

Я призадумалась, но не над этим вопросом. Даже последнему тупице было бы ясно, что они так до сих пор и не сумели определить точное время смерти.

– Я не видела ничего подозрительного, – ответила я.

– Никто не болтался возле комнаты мистера Конноли?

– Нет.

Он что-то нацарапал в блокноте, но я не сумела разобрать, что именно.

– А то, что вы сами тогда делали, можете припомнить?

– Смотрела телевизор до десяти вечера, – сказала я. – Со мной была куча другого народу, так что это легко проверить. Показывали «Катастрофу»³³ и еще какую-то фигню с Антом и Дексом³⁴. После этого немного посидела в столовой с Шоном и Тони, мы просто болтали. И мы все еще были там, когда обнаружили тело.

Седдон черкнул еще пару строк.

– Спасибо.

– Его зарезали?

Он поднял взгляд, отложил ручку.

– Самый простой способ, я бы подумала. Как говорится, без шума и пыли.

Детектив снял очки.

– Боюсь, что на данном этапе я не вправе раскрывать детали, которые...

Я воздела вверх руки, показывая ему, что все прекрасно понимаю, хотя при общении с коллегой он мог бы и не столь упираться в служебные инструкции. На его месте я была бы только рада держать сотоварища-копа в курсе дела. Откинувшись на стуле, я объяснила ему, почему нож представляется мне самым очевидным орудием убийства, и дала ему знать, насколько легко и просто пронести в отделение любой предмет чуть поменьше новорожденного слоненка. Сказала ему, что если они ищут орудие убийства – а почему бы им его и не искать? – то им следует расширить круг поисков вплоть до больничной территории за стенами отделения, поскольку некоторым пациентам дозволены прогулки без сопровождения, и они ходят и выходят практически когда захотят.

После этого немного выждала.

Я была в футболке и заметила, как Седдон рассматривает шрамы у меня на руках.

– Я уже вам ответил. – Он опять нацепил очки и перевернул страницу, открывая чистую и готовясь принять следующего свидетеля.

– Была драка, – наконец сообщила я. – Вам никто не рассказывал? Довольно серьезная, и Кевин оказался в самой гуще. Вообще-то это я ее и прекратила.

³³ «Катастрофа» (англ. Casualty) – британский телесериал про отделение неотложной помощи больницы, выходящий с 1986 г. по настоящее время.

³⁴ *Ант и Дек* (англ. Ant & Dec) – британский комический дуэт Энтони Макпарглина и Деклана Доннели.

– Когда это было?

– В среду. За три дня до того, как убили Кевина.

Мне было видно, что ему не понравилось, как я это преподнесла, но он явно заинтересовался.

– Ну, вообще-то участвовала целая куча народу, но в основном это были Кевин и Тони. Не знаю, разговаривали ли вы уже с Тони...

Седдон заглянул в свой список.

– Имеется в виду Энтони Левис?

– Угу. Иногда он малость... неуравновешенный, понимаете?

– А из-за чего была драка?

Я уже слышала несколько противоречащих друг другу историй и не была убеждена, что к случившемуся не имеет самого непосредственного отношения Лорен, но как минимум одна версия событий заключалась в том, что Кевин сказал что-то, что разозлило Тони. Что-то про Тварь, скорее всего. Так что эту версию я и выдала Седдону, поскольку подумала, что ему следует знать.

Он поблагодарил меня, что было крайне любезно с его стороны. Сказал, что я очень помогла следствию.

– Это самое меньшее, что я могу сделать, – отозвалась я. – В смысле, я в курсе, как все это происходит. Ждешь результатов вскрытия, всего того, чего там накопят ребята из криминалистической лаборатории... И остаются еще камеры видеонаблюдения, насколько я понимаю.

– Да, конечно. – Он уже закончил со мной, это мне было понятно. – Мы, разумеется, обязательно просмотрим записи с камер в отделении. Так что...

Есть! Отсутствие у него энтузиазма списывалось отнюдь не только на тот факт, что ему приходилось зря терять время, опрашивая кучу ненормальных из дурки. В нашем отделении камеры почти что повсюду, и да, имеется парочка слепых зон, но одна из камер дает превосходную картинку мужского коридора. Так что он сидел здесь, разговаривая со мной через губу и думая развязаться со всем этим делом до конца дня.

Помните, как я говорила насчет того, что ничего не бывает просто? Насчет того, что надо думать наперед?

– Ну что ж, удачи вам в этом деле, – сказала я.

Седдон посмотрел на меня.

– В каком это смысле?

– Ну, полагаю, еще никто не рассказывал вам про Грэма. – Я увидела, как он опять заглядывает в список. – Про... проблемы Грэма с тем, что за ним постоянно наблюдают.

Еще один взгляд в окно, поскольку лично мне спешить было некуда. Я была уже основательно заведена, и мне это нравилось.

– И про то, что Грэм любит делать с обедками.

9

За одним-двумя исключениями персонал в отделении «Флит» вполне достойный.

Поймите меня правильно: время от времени я с кем-нибудь из них все-таки цапаюсь, но в общем и целом люди это неплохие. Большую часть времени они просто выполняют свою работу, и их вполне можно понять. Они дают тебе лекарства, проводят контрольные беседы... Следят за результатами твоих анализов и поведением на терапевтических занятиях, решают, не надо ли пересмотреть твой статус наблюдения... Да, мне не раз доводилось вести с ними беседы по душам, когда мы делились друг с другом кое-какими личными секретами, перемывали косточки своим партнерам, детишкам и чему угодно, но я все равно не могу назвать кого-то из них... своими друзьями. В конце дня они даже на обычных приятелей не тянут, и неважно, как хорошо ты с ними ладишь. Непросто сформировать такого рода отношения, какими бы чудесными они ни были людьми, поскольку никогда не знаешь, когда один из них будет крепко держать тебя, а другой втыкать иглу тебе в жопу.

Или когда ты сама размахнешься, чтобы врезать кому-то из них.

По-моему, сейчас самое время как следует познакомить вас с мужчинами и женщинами, ответственными за мое лечение, но я опять решила, так сказать, внести в свое повествование свежую струю. Кому интересен очередной список, так ведь? После восхитительного душевного подъема от общения с детективом-констеблем Седдоном остальная часть того понедельника оказалась предсказуемо непримечательной, так что, слоняясь без дела, я решила немного развлечься, представляя сотрудников отделенческого медперсонала в несколько... иных ролях. Пока я как обычно общалась с ними возле окошка для выдачи лекарств, или в столовой, или просто болтала с ними в коридорах, мне постепенно закралась в голову одна мысль, не такая уж и дикая по сравнению с тем, что ежедневно творится в головах прочих моих товарищей по несчастью, – а именно, представить вам наших врачей и санитаров в качестве участников серии беспощадных, до последнего издыхания боев без правил. Надеюсь, вы меня поймете: когда тут никого не убивают, в этом месте можно реально сдохнуть со скуки.

К тому же мне уже доводилось представлять себе куда как более дикие вещи.

Так что вообразите себе толпу, жаждущую крови, спускающийся с небес микрофон, когда представляют бойцов, и меня в искрящемся бикини, обходящую ринг между раундами. Хотя, если как следует подумать, лучше не представляйте себе этого, если хотите удержать свой обед в желудке...

Для вашего сведения: я не стала заморачиваться с тем, чтобы давать прозвища и этим людям, поскольку их фамилии написаны у них на бейджах, примерно как в свое время на том, что был прицеплен к моему защитному жилету, способному противостоять удару ножа. А что же касается должностей... Ну врачи есть врачи, тут все понятно, но я до сих пор не могу до конца понять разницы между медбратом и санитаром – ну, или между медсестрой и санитаркой, раз уж на то пошло. В смысле, чисто теоретически санитары – это медперсонал самого низшего звена, поскольку у них ниже квалификация, и вся грязная работа вроде бы должна доставаться им, но большую часть времени здесь это вроде не имеет абсолютно никакого значения и все просто трудятся на равных, не стыдясь замарать руки вне зависимости от своего официального круга обязанностей. Полагаю, что когда единственное, в чем нет недостатка, – это пациенты, всем приходится впрягаться по полной. В общем, мы тут во все эти тонкости не вдаемся и именуем весь младший медперсонал санитарями, против чего сами сотрудники отделения, похоже, ничуть не возражают.

Ладно... Готовы к предстоящему мочилову? Тогда *поехали!*

Доктор Бахши – психиатр-консультант, так что она здесь самая большая шишка. Зовут ее Асма, или, может, Аша, и, насколько я понимаю, она откуда-то из Индии. Очень добра

ко мне – всегда готова утешить и поддержать в трудную минуту. Говорит, что нет никаких причин сомневаться в том, что я опять обрету здравый рассудок, но мне все-таки надо быть поаккуратней со своим психозом, поскольку любой прием наркотиков может опять его вызвать. Это, по ее словам, все равно как вскрыть запечатанную бутылку, а стоит джинна выпустить из бутылки... короче, смысл примерно такой. Всякие страсти, но только если ты веришь, что и вправду всерьез повредился умом, для начала. Я не хочу сказать, что всегда веду себя так, как вы в общем и целом сочли бы нормальным, но ведь и у серого есть оттенки, согласны? Равно как и у помутнения в мозгах.

Она не использует в своих речах слишком много заумной медицинской белиберды и прекрасно умеет слушать – полагаю, это хорошее качество при ее работе, – но я определенно не хотела бы поцапаться с ней, поскольку в ее власти и как поскорее отправить меня домой, так и значительно усложнить мне жизнь. А еще она тот сотрудник отделения, с которым я стараюсь особо не хитрить – пусть даже иногда просто не могу удержаться, – поскольку знаю, что она тут единственная башковитее меня.

Бакши чуток постарше остальных, и она не представляется мне особо серьезным бойцом, так что ради соблюдения принципов честной игры дам-ка ей в пару еще кого-нибудь, чтобы уравнивать шансы – пускай бьются двое на одного. Лучше всего кого-нибудь из санитарок, и выбор в данном случае довольно очевиден.

Дебби – типичная шотландка, шотландка до самых кончиков своих огненно-рыжих волос, но, что более важно, тетка это реально крупная. Не такая крупная, как Лорен, но типа как может запросто выжать над собой Бакши, если понадобится. Или меня, раз уж на то пошло. Если между пациентами женского пола начинается какая-то терка, то явится тушить ее, скорее всего, Дебби. Вообще-то и большинство мужиков здесь больше боятся Дебби, чем кого-то из санитаров мужского пола, даже гориллоподобный Тони, который до сих пор не убежден, что она и не есть Тварь, и всегда обходит ее стороной. Женщина она громогласная, грубая и за словом в карман не лазит.

Это одна из причин того, почему мне тогда подумалось, что в комнате Кевина после убийства должно было твориться натуральное хоррор-шоу. Не забывайте, нашла-то его именно Дебби, и она была перепугана до усрачки. Бомбой вылетела в коридор, словно наткнулась там на последствия техасской резни бензопилой³⁵.

Теперь-то, ясен пень, я уже знаю, что и как там было на самом деле...

Ставлю Дебби и Бакши против Джорджа, тоже одного из санитаров. Это «добрый великан» отделения, и да – я говорю это слегка саркастически. Не хочу сказать, что он груб, когда не видит в этом нужды, но скажем так: Джордж хорошо сознает, что парень он крупный. Всегда сдерживается, но обычно с таким видом, будто ничто не доставит ему большего удовольствия, чем если Ильяс или Тони попробуют на него наехать. У него ярко выраженный пролетарский выговор, вроде как северо-восточный, и, само собой, болеет он за «Ньюкасл»³⁶, на что я ему при каждом удобном случае призрачно намекаю. Поскольку сказать ему это прямо – это практически открытым текстом объявить, что он еще более чиканутый, чем все мы тут, вместе взятые.

Как-то раз он признался мне, что хотел стать полицейским, но его не взяли, отчего я призадумалась, уж не отчебучил ли он что-нибудь по молодости. Это я к тому, что в нынешние-то времена в полицию берут даже самых долбанутых.

Итак, первый бой – Бакши и Дебби против Джорджа. Результат: даже с учетом двоих на одного, и невзирая на тот факт, что Дебби наверняка будет использовать всякие грязные при-

³⁵ «Техасская резня бензопилой» (англ. The Texas Chain Saw Massacre) – классический фильм ужасов 1974 г., за которым последовало множество сиквелов примерно с тем же сюжетом: маньяк-психопат по прозвищу Кожаное Лицо направо и налево режет бензопилой всех, кто подвернулся ему под руку.

³⁶ «Ньюкасл Юнайтед» (англ. Newcastle United F. C.) – английский профессиональный футбольный клуб, болельщики которого отличаются наиболее буйным поведением из всех английских футбольных фанатов.

емчики, Джордж тут однозначный победитель – вырубает обоих в течение первых же тридцати секунд. Быстро и жестко.

Правда, думаю, что матч между двумя санитарками отделения окажется куда более зрелищным для публики и явно продлится дольше. Малайка – из Индии, как и доктор Бакиши, только с сильным бирмингемским акцентом. «Острые козырьки»³⁷ в чистом виде – вот кто такая Малайка, хоть и с более стильной прической (подкрашенные в рыжий цвет прядки выглядят реально круто) и без припрятанных в ней бритвенных лезвий. Поверьте мне, слабаков и мямлей тут не держат, но из всего младшего персонала она определенно не самая строгая. Если ты смотришь что-нибудь по телику, она, скорее всего, даст тебе еще минут десять после того срока, когда тебе полагается уже лежать в постели, а если тебе разрешены прогулки с сопровождением и она выводит тебя на улицу, чтобы выкурить сигаретку, то не станет затаскивать обратно, едва ты только затушишь окурочек. Она и сама курильщица, так что всегда только рада составить тебе компанию.

Малайка довольно тесно общается с Джорджем, они вечно шушукаются по углам, и поначалу я даже думала, что между ними что-то есть. А потом вдруг выяснила, что она лесбиянка – вообще-то сам Джордж мне об этом и сообщил, – так что позволила своему чрезмерно пышному воображению буйно цвести в других направлениях. Вообще-то забавно сочинять всякие истории про персонал – представлять, какой жизнью они могли бы жить вне работы и какими невероятными вещами заниматься. Вроде того, что Малайка была довольно строгого воспитания и, может, даже была вынуждена вступить в формальный брак, из которого в итоге выбралась, и, сорвавшись с цепи, пустилась во все тяжкие. Едва домой с работы, так сразу же дэт-метал³⁸, кокс и все такое. Вообще-то могу сказать, что тетка она и вправду заводная и вспыльчивая – слышала как-то, как она о чем-то спорит с Дебби.

Мне уже самой интересно, насколько Малайка преуспееет, оказавшись на арене нос к носу с «Польской Молотилкой»³⁹...

Миа наверняка понравится публике. У нее светлые волосы пиками, очаровательный акцент, и она красивая, но, если честно, немножко «черная дыра» в личном плане. Ни с кем особо не общается – под чем я понимаю, что Миа никогда не вписывается во всякие задушевные беседы и не рассказывает тебе, что представляет собой ее жизнь за пределами отделения «Флит». Наверняка считает себя умнее всех, поскольку некоторые из ее коллег, которые позволили себе кое о чем проболтаться, впоследствии за это поплатились. Хотя вряд ли она понимает, что в итоге нам приходится все это просто выдумывать, как я поступила с Малайкой. Так что Миа... сразу представляется мне той теткой в БДСМ-игрищах, которая обожает лупить своих партнеров плеткой, и это не так уж далеко от истины, как вы можете подумать. Иногда я ловлю ее на том, что она пристально смотрит на других пациентов, когда не знает, что за ней наблюдают, и раз или два я замечала на ее смазливом личике натурально жестокое выражение.

Малайка против Миа. *Результат*: предсказать гораздо труднее, тем более что Миа тут во многом «темная лошадка», но чутье подсказывает мне, что Малайка в итоге одолеет.

Финальный бой тоже из тех, что пройдет почти на равных, пусть даже и по схеме «мужчина против женщины».

Маркус – самый главный у местного младшего медперсонала, так что он тут еще и нечто вроде сестры-хозяйки, если такое можно сказать про мужика. Очень высокий и жилистый, вроде как из Нигерии, по-моему, поскольку он как-то сказал мне, что родился в Лагосе. Это ведь в Нигерии, верно? Думаю, что определение «уравновешенный» подходит к нему лучше

³⁷ «Острые козырьки» (англ. The Peaky Blinders) – британский криминальный драматический телесериал, созданный в 2013 г. и повествующий о деятельности преступного клана Шелби в Бирмингеме в 1920-е гг.

³⁸ Дэт-метал (англ. Death Metal, от death – «смерть») – экстремальный поджанр рок-музыки в стиле метал.

³⁹ «Польская молотилка» (англ. Polish Punisher) – спортивный псевдоним американского бойца без правил Давида Клецковского.

всего. Я всего лишь раз видела, как Маркус вышел из себя – с Лорен, тут ничего удивительного, – но и улыбки от него тоже особо не дождешься. Вообще-то, стоит об этом подумать, так, чувство юмора у него вроде как отсутствует напрочь. Всяких дел у него по горло, в отделении регулярно что-нибудь происходит, но он явно хорошо со всем этим справляется, иначе бы его не поставили старшим. Да и весь остальной персонал вроде его любит, во всяком случае.

Говорит он очень медленно, словно тщательно выбирая слова, и на превосходном английском, прямо как диктор в телевизоре, хотя время от времени слегка заикается, давая некоторым из пациентов прекрасный повод повеселиться над этим. Некоторые люди просто обожают проявлять жестокость – поименно называть не буду, – хотя другие вроде бы совершенно искренне находят это смешным, поскольку просто не знают границ. Ну, знаете: «Внимание, к нам идет Мы-мы-маркус!», всё в таком духе. Лорен всегда ухитряется раскопать подходящую песенку, чтобы попробовать завести его. Обычно что-нибудь из Элтона Джона или Дэвида Боуи, это ее любимые.

«Пе-пе-пе-пе-перемен...»

«Бе-бе-бе-бенни и „Джетс“...»⁴⁰

Ха-ха-ха. Тупая сы-сы-сука...

Точно не знаю, из какой части Африки Феми, но, в отличие от Маркуса, акцент у нее явственный. Маленькая, но сильнее, чем выглядит (по-моему, все медсестры и санитарки такие), и у нее отлично получается доставать некоторых пациентов из их раковин, в которых те по той или иной причине решили спрятаться. Она рассказывает им про своих детишек, травит ужасные анекдоты, а иногда даже подпевает Лорен – хотя это, на мой взгляд, уже перебор.

Правда, она тоже из тех, у кого быстро перегорают пробки, но я наблюдала такое только с другими ее коллегами. Вообще-то не думаю, что Феми особая любительница конфронтаций, поскольку как-то раз я застала ее плачущей в туалете после разговора на повышенных тонах с кем-то. Она не терпит никаких оскорблений и унижений – в смысле, она не какая-то там размазня или что-то в этом роде, но именно к Феми пациенты идут, когда хотят попросить о каком-то одолжении, или надо переговорить с доктором Бакши, или еще чего.

Я уже успела сказать, что она маленькая? Так вот: не просто маленькая, а реально крошечная и худенькая, непонятно, в чем душа держится – по-моему, вся ее одежда запросто подойдет десятилетнему ребенку, – так что иногда я гадаю, не было ли у нее раньше и у самой проблем с пищевым поведением, поскольку она вечно клюет лишь какие-то зернышки из пластикового контейнера. Вообще-то целая куча людей, работающих в области психиатрии, и сами некогда были пациентами, так что это меня ничуть не удивило бы. Бывшие воры тоже иногда подаются в сыщики, такое бывает. Самое смешное, что единственный человек, на которого Феми хотя бы отдаленно выпускает колючки, – это Донна, так что, наверное, ее напрягает иметь дело с теми, у кого такие же проблемы, что и у нее. Однажды она устроила Донне основательную выволочку за что-то не помню что, и с тех пор Донна называет ее Феми-Фашистка – что было бы довольно стильным псевдонимом для боев без правил, стоит об этом подумать.

Маркус против Феми. *Результат*: спорный, но лично я в этом бою поставила бы на Феми. Не уверена, что Маркус отличается такими уж «ух как» бойцовскими качествами, и, думаю, Феми вполне может за себя постоять, если понадобится.

Итак, вот вкратце и все основные факты про мужчин и женщин, которые заботятся о нас, – пусть, может, и малость творчески приукрашенные, но вы уловили суть. Раскрываю карты: тут я наверняка должна упомянуть, что один из вышеупомянутых медработников, шагнущих на мой воображаемый ринг боев без правил, почти наверняка подверг меня сексуальному насилию. Согласна, что «почти наверняка» звучит несколько расплывчато, но я в этом практически уверена, даже принимая во внимание мои проблемы с памятью и лекарствами.

⁴⁰ Композиции Дэвида Боуи *Changes* и Элтона Джона *Bennie and the Jets*. Примерно так там и поется в оригинале.

Я не собираюсь говорить, кто именно, потому как на самом-то деле особо не хочу про все это вспоминать, но если этот человек проделал это со мной, то можете не сомневаться: нечто подобное не раз проделывалось и с остальными.

Лю-Косячок рассказывала мне, что как-то раз с ней произошло то же самое, в какой-то другой больнице. Она подала жалобу, но ее лишь обозвали истеричкой и посоветовали не ломать комедию.

– Лучше не высовывайся, – сказала мне тогда Люси, горько всхлипывая. – Не поднимай волну!

Ясен пень, как сотрудник полиции, я хочу, чтобы люди, которые творят подобные вещи, хорошенько усекли, чем все это для них кончится, поскольку это моя работа, но также знаю, что при нынешнем положении дел – при нынешнем положении моих дел и при том, где я сейчас нахожусь, – мне нужно держаться подальше от неприятностей. Поверьте, мне это как ножом по горлу, но теперь, когда я вляпалась в самую гущу дела об убийстве, мне уже чуть проще мириться с реальностью.

10

Часы посещений больных родственниками и друзьями тут довольно свободные, только вот какой-то специальной зоны для этих целей не предусмотрено. Приходится искать какой-нибудь тихий уголок в любом подходящем месте, чтобы пообщаться с глазу на глаз, так что сразу перед обедом мы с Тимом Бэнксом устроились на свободных стульях в музыкальной комнате. Там уже расположилась Джамиля, читая журнал и явно подслушивая, так что я пару минут сверлила ее многозначительным взглядом, пока она наконец не свалила. Но стоило ей оставить нас наедине, как появилась Лорен, которая просунула голову в дверь и поинтересовалась у Бэнкси, не желает ли он послушать одну хорошую песенку.

Тим сказал, что занят.

Она сказала ему, что песенка реально хорошая.

Он ответил ей, что, может, в другой раз.

Лорен объявила ему, что он мудак, и захлопнула дверь.

– Просто замечательно... – Тим посмотрел на меня. – Ну так как ты, Лис?

Тим, наверное, единственный, кто посещает меня более или менее регулярно. Пару раз заглядывали мама с папой, но обычно это означает для них необходимость переночевать в каком-нибудь отеле, и особого удовольствия их визиты мне не доставляют, поскольку у них всегда слишком уж кислый вид. Как-то раз приходила Софи, что было чудесно, но ее слегка напугал Тони (помните происшествие с открыткой?), так что не думаю, что она горит желанием появиться тут еще раз. Общаемся с ней при помощи эсэмэсок и через «Вотсап», что тоже неплохо. Софи рассказывает мне, какая зануда эта ее новая соседка по квартире, Камилла, и как с ней скучно – пусть даже, судя по всему, девица эта куда более аккуратная, чем я.

Жить со мной было как угодно, но только не скучно, на скуку никто до сих пор не жаловался.

Хотя Бэнкси – просто супер. Он все понимает. Да, меня бесит, что больше никто с работы так и не удосужился меня проведать – все эти люди, которых я считала друзьями, – но я уже с этим смирилась. Я ведь для них уже отрезанный ломоть, что тут поделаешь?

Я ответила Бэнкси, что все у меня хорошо. Он сказал, что я неплохо выгляжу.

– Относительно неплохо, ты хотел сказать? – Я улыбнулась, прекрасно понимая, что выгляжу так, что краше в гроб кладут.

– Во всяком случае, лучше, чем в прошлый раз, – уточнил он. – Румянец вон на щеках...

– Ладно, тогда давай выкладывай.

– Не гони. – Тим залез в карман и вытащил блокнот. Боже ты мой, он все записал! Как я уже говорила, он из тех, на кого я всегда могу положиться.

Чертовски грамотный коп, этот наш Бэнкси.

И вдобавок, он был лучшим другом Джонно.

Я позвонила ему два дня назад, в воскресенье вечером, после того, как пообщалась с Седдоном. Ввела его в курс дела, попросила кое-что выяснить и уточнила, когда именно он придет меня навестить. Как я уже упоминала, над этим делом работал не наш отдел, но я знала, что Бэнкси сможет порасспросить народ и попросить о кое-каких одолжениях. Не сомневалась, что он сумеет хоть *что-нибудь* раскопать.

– Ну давай уже, не томи!

Тим уже перелистывал страницы блокнота.

– Не помню, когда в последний раз видел тебя такой энергичной и заведенной, – заметил он.

– Убийства всегда меня заводят, – ответила я. – Вдобавок, в последнее время я была пайнкой и мне урезали дозу регулятора настроения.

Бэнкси наконец обнаружил нужную страницу.

– В общем, касательно основного вопроса ты оказалась права. Теперь это действительно расследование убийства.

– Класс! – Кроме нас двоих, в музыкальной комнате никого не было, так что я не стала скрывать своего восторга. – Я, блин, знала!

– Хотя действовали не холодным оружием. Тут ты малость поспешила с выводами.

Я замерла в ожидании.

– Причина смерти – асфиксия. Короче, жертву задушили. Скорее всего, подушкой.

Я поразмыслила над услышанным. Кевин не был каким-то там задохликом, но особо мощным телосложением не отличался и уже практически засыпал, обдолбанный лекарствами, которые принял сразу после ужина. Прижать ему к лицу подушку было бы несложно, и много времени это не заняло бы.

– Ну, а время смерти?

– С этим малость посложнее, – ответил Бэнкси. – Патологоанатом считает, что это произошло где-то от девяти часов вечера до половины одиннадцатого.

– Какой конкретно патологоанатом?

– Этот чудик из Хорнси⁴¹. Который весь в наколках и в пирсинге.

– Ясно. – Лично я с этим мужиком не общалась, но у нас многие про него наслышаны.

– А теперь они думают, что могут сузить временной промежуток, потому как уже известно, что терпила залег в постель довольно рано, сразу после половины девятого, а также что санитарка, которая делала обход...

– Дебби.

– Ну да, Дебби... Так вот, она заглядывала к нему в половине десятого, и он спокойно спал. Они запросили ее карты наблюдений, или как там это у них называется, и на записи с камеры видно, как она входит и выходит. Так что теперь они думают... Так, ща... «В данный момент мы ищем того, кто убил его, незаметно пробравшись в комнату где-то между этим временем и следующим обходом этой Дебби после половины одиннадцатого, когда она обнаружила труп».

– Крику тут было!..

– Все уже думали, что дело ясное, поскольку убийца должен был нарисоваться на записи с камеры в коридоре, но, видать, на тот момент в системе видеонаблюдения произошла какая-то техническая неполадка. Так что... – Увидев, как я ухмыляюсь, он примолк.

– Не совсем техническая, – уточнила я и изложила ему то же самое, что и вчера Седдону.

Помимо патологического страха оказаться вторым в очереди за чем угодно, объяснила я, у Грэма – который проходит у меня под кличкой Ждун, – есть еще один бзик: насчет того, что за ним постоянно наблюдают.

– Обычно он проделывает это сразу после еды, – сообщила я. – При помощи того, что осталось на тарелке. Залезает на стул и размазывает объедки по объективам камер: овсянку, пудинг – короче, все, что оказалось под рукой. Но больше всего любит картофельное пюре, он до него сам не свой. Зацепляет полную пригоршню... шлеп! И камере каюк.

Бэнкси это явно ужаснуло.

– И что, никто не может ему помешать?

– О, они пытаются! Всегда дают ему серьезную взбучку, помещают под наблюдение «в пределах поля зрения» или даже «в пределах непосредственной досягаемости», но это каждый раз ненадолго. После этого, конечно, тоже стараются за ним присматривать, но Ждун – парень верткий. Со временем он нашел способ использовать вместо стула тележку или наловчился просто залезать кому-нибудь на плечи, причем старается заляпать как можно больше камер,

⁴¹ Хорнси – в данном случае пригородный, в основном «спальный» район на севере Лондона.

прежде чем его поймают. Поначалу к этому относились чертовски серьезно, старались сразу же очистить камеры. А потом все понемногу привыкли, и персоналу просто влом сразу кидаться приводить все в порядок. Маркус говорит, что это вопрос техники безопасности, когда санитарам приходится залезать на что попало с ведром и тряпкой, так что теперь они предпочитают дожидаться кого-нибудь из больничных уборщиков со стремянкой – типа, это их работа. Ясен пень, это для них шило в жопе, но ситуация забавная.

– Только не когда ты проводишь подобное расследование, – заметил Бэнкси. – Согласно тайм-коду на записи, камера в мужском коридоре вырубилась почти сразу после половины десятого и... очистили ее прямо перед тем, как был обнаружен труп. Так что да, есть мнение, что убийство совершено где-то в пределах этого часа, но при этом весь этот час камера ничего не показывала.

– Ну и мудак же этот Грэм... – Я покачала головой.

– Точно мудак.

– Как раз закончился ужин, – сказала я. – Это когда кухонный персонал убирает со столов, а народ только начинает потихоньку рассасываться. В это время всегда толкучка.

– И кое-что еще. – Бэнкси уже опять заглядывал в свой блокнот. – В комнате жертвы обнаружены наркотики. В довольно серьезном количестве.

– Какого рода наркотики?

– Подробностей не знаю, но... Похоже, что таблетки. Какие-то рецептурные препараты, судя по всему.

– Господи...

– Это пока всё. – Он захлопнул блокнот. – Поверь мне, мне пришлось всерьез выкрутить кое-кому руки, чтоб хотя бы это надыбать.

Я сказала ему, что крайне это ценю и что попробую больше не напрягать его такими вопросами.

– Хотя полностью обещать не могу, естественно.

– Естественно, – отозвался он. А потом, когда уже встал, вдруг неловко замялся. – Послушай, Лис, только не откусывай мне башку, но я далеко не убежден, что нечто подобное тебе сейчас требуется. Что это пойдет тебе на пользу.

– Шутишь? Это как раз то, что мне сейчас нужно!

– В смысле, не стоит ли тебе сейчас...

– Что? Остыть? Повалиться в кровать? Почитать какую-нибудь хорошую книжку?

– Сама знаешь, что я хочу сказать, Лис... Ладно, не хочу опять по этому поводу дискутировать, но ты сама ведь вроде в курсе, что не совсем здорова. Это-то ты можешь признать?

– Ты классный мужик, Бэнкси. – Направившись к дверям, я дождалась, когда он последует за мной. – Но ты не мой папа.

Через минуту, когда мы стояли у внутренней двери тамбура, дожидаясь, пока кто-нибудь его выпустит, Тим вдруг произнес:

– Я тут Мэг как-то вечером видел.

Как будто это только что пришло ему в голову.

– Ладно. – Я почувствовала, как что-то дрогнуло у меня внутри, и постаралась не выдать это голосом. – Ну и как она?

Мэгги была подружкой Джонно.

На пятом месяце беременности, когда он погиб.

И на этом же пятом месяце потерявшей ребенка.

– Да вроде все ничего, – отозвался Бэнкси. – Про тебя спрашивала.

Все это было совсем некстати, и я лишь обрадовалась, увидев подходящую к нам с ключами Миа.

– Вы уже всё? – спросила она, несколько более бодрым голосом, чем обычно.

– Ну да, всё, – ответила я.

Перед тем, как шагнуть в тамбур, Бэнкси крепко обнял меня, и когда они с Миа оказались внутри, я прижала ладонь к окошку двери и поцеловала стекло, делая вид, будто рыдаю навзрыд – словно мы любовники, прощающиеся навсегда, или типа того.

Это его рассмешило, и он ободряюще поднял вверх два пальца.

Как только Бэнкси вышел с другой стороны, я посмотрела на часы и поспешила к себе в комнату, чтобы кое-кому позвонить. Это меня немного успокоило – сознание того, что скоро я малость приведу себя в порядок. А потом отправилась на ужин.

11

Это был самый обычный обход, вот и всё. Вполне рутинное дело в ходе следствия по делу о преступлении сексуального характера, когда нужно пообщаться со всеми местными насильниками и приставами, имеющимися в базе данных. Хотя ни одна подобная история из серии «полицейских страшилок» никогда не начинается со слов «мы шли по следу кровожадного серийного убийцы, вооруженного бензопилой», поскольку в таком случае всегда знаешь, как все может обернуться.

Практически ничто не застанет тебя врасплох.

Всегда нужно заглядывать вперед. Я ведь это уже вроде говорила, верно? Стараться быть готовым к любым непредвиденностям, но никакие приготовления, должная осмотрительность или просто здравый смысл не помогут, когда жизнь вдруг просто повернется и со словами: «Ну не повезло, дружок!» – харкнет тебе прямо в физиономию.

Когда мир опрокинется вверх ногами.

Превратит тебя в кого-то еще.

Того, кого мы с Джонно разыскивали тем утром, не было дома, но его сосед по квартире вроде как был только рад впустить нас и ответить на несколько вопросов. Это была квартира над магазином электротоваров в Майл-Энде, и с лестничной площадки она выглядела довольно прилично. Приличнее, чем мы ожидали, по крайней мере. Не какая-то там грязная дыра, которых мы за предыдущие пару дней навиделись предостаточно.

Ну да, я сразу углядела, что этот мужик чем-то обдолбан, так что мы с Джонно моментально переглянулись. «Справимся?» Помню, что вроде как закатила глаза, или подняла брови, или еще чего, и он понял, что это значит. Типа, да это же просто обычный торчок или ширяла, который наверняка и двух слов связать не сможет, так что давай поскорей со всем этим развеемся и разыщем поблизости какую-нибудь забегаловку, чтобы наконец перекусить.

Я уже говорила: у меня было чувство, что волноваться нам не о чем и что все пройдет пучком, но, если честно, это было не совсем так. Скорее, у меня не было чувства, что волноваться как раз стоит.

Должно было быть, но не было.

Я спросила у этого мужика, спокойно и вежливо, не возражает ли он, если я по-быстрому осмотрюсь в квартире, а Джонно тем временем присядет с ним на диванчик и задаст несколько вопросов касательно его отсутствующего приятеля. Мужик – худой как палка, малость какой-то скользкий, что и неудивительно – ответил, что ничуть не возражает, но лучше бы нам пошевеливаться, поскольку ему скоро уходить на какую-то встречу.

Мы с Джонно опять переглянулись. Дилер, скорее всего.

Я прошла в спальню того человека, которого мы разыскивали, и начала осмотр. Надела нитриловые перчатки, выдвинула несколько ящиков, заглянула в шкаф и под кровать. Привычное дело, но никогда не знаешь, на что можешь наткнуться, так что я действовала осторожно, как и всегда.

Из гостиной до меня доносился голос Джонно.

«Вы знаете, где сейчас может быть ваш сосед? Знаете, когда он вернется? Вы, случайно, не в курсе, где он находился вечером четыре дня назад?..»

Похоже, что ловить нам тут было особо нечего.

Едва подняв матрас, я сразу увидела несколько DVD-дисков, приоткрытых к раме кровати матерчатой изолентой, и только потянувшись к одному из них, как услышала крики того мужика. Не помню, что конкретно он орал, и, вообще-то, если сейчас подумать, это был просто крик. Хриплый и пронзительный, словно от боли.

Метнувшись в гостиную, я увидела, как они борются на диване, и когда Джонно поднял голову и крикнул мне, чтобы вызывала подкрепление, я бросилась ему на помощь. И вот тут-то этот мужик ударил его.

То есть тогда я подумала, что это был просто удар кулаком.

И лишь когда этот тип, шатаясь, поднялся с дивана и бросил на пол монтажный резак, я и увидела, что произошло.

Кровь на выдвинутом скошенном лезвии.

Кровь, толчками выбивающаяся между пальцев Джонно и брызгающая на ковер.

Рисунок на нем – эти мерзкие сине-зеленые завитки – иногда по-прежнему оказывается у меня перед глазами, стоит мне их прикрыть.

Все остальное малость смешалось у меня в голове, если честно, – словно прошло всего каких-то несколько секунд и при этом целая вечность. Мужик что-то бурчал и целеустремленно двигался к выходу, словно ничего такого не произошло и его уже достало, что мы его так надолго задерживаем. Я пыталась нащупать тангенту рации и при этом крепко прижимала руки к шее Джонно. Эти дурацкие перчатки, скользкие от крови, и его рубашка изменили цвет.

Что-то орала насчет «Скорой» и что-то шептала Джонно.

Просила его не двигаться, держаться.

Чувствовала, как его ноги барабанят по ковру под нами, и понимала, что лишь зря трачу время.

Зная, что обоих нас уже нет.

* * *

На этом стоп. Все это не для того, чтобы оправдать тот факт, что я делала кое-какие глупости и что *до сих пор* время от времени их делаю, – просто чтоб вы знали...

* * *

Как мы уже установили, «в пределах непосредственного доступа» располагается на самом говенном конце лестницы статусов наблюдения. Статус, который на самом деле означает, что у вас нет никакого статуса вообще, в первую очередь социального. Но для привилегированного меньшинства, для тех немногих *избранных*, что наглядно продемонстрировали свою благонадежность, в Акте о психическом здоровье от одна тысяча девятьсот восемьдесят третьего года предусмотрено отдельное VIP-приложение, где их ожидает настоящий король всех статусов наблюдения за принудительно госпитализированными гражданами. Я сейчас про тот пятизвездный статус бизнес-класса, который именуется... «право на прогулки без сопровождения»!

Угомонись, мое бьющееся сердце!

Хотя скорее тарахтящее как пулемет, благодаря антипсихотическим препаратам...

Короче говоря, всё ур-ра и супер-р!!!

Может показаться, что пятнадцать минут – это всего ничего, но уж поверьте: ты смакуешь каждую долбаную секундочку из них, потому что ты вне этих сраных стен. Сам. По. Себе. Можешь сколько угодно обонять воздух, который на самом-то деле пахнет как обычный воздух – насколько это вообще-то возможно на северо-западе Лондона, без помех наслаждаться относительно лишенным собачьего дерьма клочком живой зелени, имеющимся на больничной территории... Это то, что тебе, натурально, еще нужно заслужить, и ты должен продемонстрировать ясное понимание того, что если выйдешь за территорию больницы, то на твои поиски в момент отправят полицию, которая быстренько притащит тебя назад, после чего ты можешь распрощаться со всем несопровождаемым на неопределенно долгий срок.

Да-да, ну, конечно же, я все понимаю! Полиция, то-сё... Усекла.

Как я уже сказала Бэнкси пару часов назад, последнее время я была просто-таки образцовой пациенткой. По крайней мере, вела себя гораздо лучше, чем несколько предыдущих недель, это уж точно. Чем заслужила определенную степень доверия, как объявила мне доктор Бакиши, и теперь мне, мол, нужно сделать все возможное, чтобы это доверие сохранить.

– Обещаю, – заверила я. – Это много для меня значит.

Джордж выпустил меня через тамбур незадолго до девяти. Глянул на часы и сказал, что мне нужно вернуться ровно в четверть десятого.

– Секундочка в секундочку, – заверила его я.

– Буду ждать, – сказал он.

Для начала я выкурила сигаретку у главного входа в корпус – просто на случай, если Джордж или кто-нибудь еще вдруг спустится вниз проконтролировать меня или следит за мной из окна.

Заодно поразмыслила о наркотиках, которые нашли в комнате Кевина.

Их ему принес кто-то, кто приходил его навестить? «В довольно серьезном количестве», – сказал Бэнкси. Ладно, пронести пузырек-другой – это не вопрос, но более крупные объемы трудно себе представить. Хотя Кевин, должно быть, пытался продавать их кому-то за пределами этих стен, где бы он ими ни разжился. У него определенно имелся рынок сбыта, и у меня было чувство, что он занимался этим еще до того, как попал сюда.

Хотя я так и не смогла придумать какого-нибудь более-менее правдоподобного объяснения тому, как эти наркотики к нему попали.

Стырить упаковку-другую арипипразола⁴² с оставленной без присмотра тележки не так-то сложно, но на дверях кладовок с лекарствами – надежные замки, так что раздобыть рецептурные препараты в больших количествах – это надо исхитриться. Да, есть у нас в отделении отдельные неполадки, вроде картофельного пюре на камерах, но насчет лекарств тут реально строго.

Равно как и насчет попыток наложить на себя руки.

Так где же Кевин надыбал наркотики и почему хранил их у себя в комнате?

Я все еще размышляла над этим, быстро шагая к одной хорошо знакомой точке неподалеку от одних из больничных ворот. Билли уже поджидал меня возле мусорных контейнеров на колесиках, играя в какую-то дурацкую игру на своем телефоне.

– Давненько тебя не было, – заметил он.

Я вручила ему двадцатифунтовую банкноту, а он передал мне пакетик. Этого будет более чем достаточно. Плюс он заранее скрутил мне косячок в качестве бесплатного приложения, что было очень внимательно с его стороны.

– У нас там небольшая заморочка, – сказала я.

Сложив купюру, Билли убрал ее в изрядно набитый бумажник и принялся прокручивать сообщения на своем телефоне.

– Что, опять какая-то заморочка?

– Не такая, как в прошлый раз, – ответила я, и он сразу двинулся в сторону главной дороги за воротами.

Ровно в девять пятнадцать я нажала на кнопку звонка и увидела через стекла обеих дверей, как к тамбуру направляется Джордж. Он кивнул и полез за ключами, а я прислонилась головой к стеклу и объявила: «Секундочка в секундочку, старина!», надеясь, что при этом не ору во весь голос и не ухмыляюсь как идиотка, сама того не сознавая.

⁴² *Арипипразол* – антипсихотическое средство, применяемое для лечения шизофрении и биполярного расстройства; наркотиком не является, но может вызывать чувство эйфории.

Сообщила Джорджу, что собираюсь сегодня лечь пораньше, и подмигнула Донне, маршируя напрямик к своей комнате.

– Приятных снов, детка! – крикнул мне вслед Джордж.

Хотя всё он учуял, а как же иначе?

Ровно через десять минут они с Маркусом постучались в мою дверь, и не сильно-то много я могла с этим поделать. Пока они выворачивали мою комнату наизнанку, я несколько минут стояла за дверью в коридоре и рыдала, держа Малайку за руку и выслушивая, как она называет меня «дурочкой». Я прекрасно знала, что «травку» они найдут – я затолкала ее в носок одной из своих кроссовок, – но по пути сюда успела скрутить пару косячков и заныкала их понадежнее, так что хоть что-то должно было остаться.

Думай наперед и держи пальцы крестом, точно?

Позже, вдоволь наоравшись и попинав дверь, пока не заболела нога, я улеглась и постаралась заснуть. Я думала, что «травка» поможет, поскольку обычно так и происходило, но сейчас слишком уж много всего крутилось в голове. Завтра на утренней летучке в ординаторской мое имя наверняка будет упомянуто первым, и наверняка ничего хорошего мне это не сулило, но я решила, что это того стоило.

Короткая поправка душевного здоровья, я прекрасно это сознаю, но это было как раз то, в чем я нуждалась.

12

Здесь у нас вообще мало что утаишь – хватает и пациентов, и сотрудников со слишком длинными языками, – так что меня ничуть не удивило, когда сразу несколько моих сотоварищей по принудительной госпитализации выразили горячее желание присоединиться ко мне за завтраком, дабы вызнать подробности моей вчерашней эскапады из первых рук. Все так или иначе вставали в разговор или задавали вопросы. Я объяснила им, что речь идет всего лишь о малюсеньком пакетике «травки», что все это не стоит выеденного яйца, да и вообще не похоже, чтобы я тут единственная пыталась пронести в отделение наркотики – хотя, по моему мнению, если хоть что-то нарушает тут монотонное течение жизни, то это просто замечательно.

Глядя на меня в тот момент, вы бы решили, что я Пабло Эскобар⁴³ или типа того.

Лорен лыбилась так, словно я подняла ей настроение на весь день.

– Надо было сразу прийти ко мне, и вместе мы бы все обстряпали.

– Ну извини уж... – Я подняла руки и дурашливо поклонилась, словно бы с глубоким сожалением. – В следующий раз буду знать.

– Да пошла ты, – бросила она.

– Надо было использовать старый добрый «тюремный бумажник», – посоветовал Ильяс. – Засунуть «траву» себе в жопу. Не думаю, чтобы они туда полезли.

Я поблагодарила его за науку и сказала, что тоже буду держать это в голове.

– Не думаешь, что кто-то на тебя стукнул? – спросила Лю-Косячок.

– Я никому не говорила, – ответила я. – За полную дуру меня держишь?

Если б я так поступила, кто-нибудь из них почти наверняка шепнул бы на ушко Маркусу или еще кому-нибудь из санитаров – Донна, потому что пыталась бы помочь мне; Ильяс, поскольку, по его мнению, это повод позабавиться; Лорен, ибо она просто сука.

– Тебя опять посадили под наблюдение в поле зрения? – спросил Тварь.

– И это если повезло, – добавила Люси.

– Они мне еще не говорили.

Но обязательно скажут, как только закончится утренняя летучка. Впрочем, меня это особо не волновало, поскольку пусть даже прогулки вне стен отделения мне в ближайшее время не светили, я достаточно быстро вновь окажусь под обычным ежечасным наблюдением. Я уже знала, как вести себя, чтобы опять обрести доброе имя в глазах доктора Бакиши – не говоря уже о том, что у них тут просто не хватает персонала, чтобы постоянно не сводить с кого-то глаз.

– Следи за тем, с кем общаешься, – предостерег меня Тварь. – Я все еще подозреваю, что одна из этих санитарок и есть Тварь. Типа как эта шотландочка.

Грэм, который до сих пор не раскрывал рта, похлопал меня по плечу. Шепнул: «А все равно классная попытка!», после чего подхватил под мышку почти полную тарелку овсянки, явно намереваясь проделать обычную процедуру с камерами наблюдения.

Лорен затынула «Вновь скованы одной цепью»⁴⁴.

Лю-Косячок и Ильяс оба спросили, не дам ли я им телефончик своего дилера.

* * *

Десять минут спустя, возле окошка для выдачи лекарств, едва только Феми передала мне бумажный стаканчик с моими таблетками, как я сразу сунулась к ней и спросила:

⁴³ Пабло Эскобар (1949–1993) – знаменитый колумбийский наркобарон.

⁴⁴ Имеется в виду композиция *Back on the Chain Gang* англо-американской группы «Претендерс». Песня вообще-то о любви, и выражение *chain gang* (группа каторжников, скованных общей цепью) употребляется здесь в метафорическом смысле.

- А в последнее время у вас тут не пропадали какие-нибудь наркотические препараты?
- Чего-то я не понимаю...
- Отсюда. – Я ткнула подбородком ей за спину. – Чего-нибудь недосчитались?
- Нет, насколько мне известно. – Она протянула мне стаканчик с водой, уже улыбаясь какому-то «добровольцу», стоящему позади меня, но я не сдвинулась с места.
- Так что, ты бы знала? – Я немного выждала. – О таком всему персоналу сообщили бы, верно?
- Откуда такой интерес? – Феми явно начала испытывать озабоченность или смущение, я так и не смогла понять.
- Это часть моего расследования смерти Кевина, – объяснила я.
- Она покачала головой, все еще помахивая передо мной стаканчиком с водой, а потом взмахом руки предложила «добровольцу» обойти меня сбоку.
- Я повернулась к нему и улыбнулась.
- Мы скоро закончим.
- Полиция уже задавала нам эти вопросы, – сказала Феми.
- И что вы им ответили?
- Боюсь, что мне не разрешено обсуждать такие вещи с пациентами.
- Вполне возможно. – Я просунула голову практически в окошко. – Но кто-то все-таки убил Кевина, причем наркотики явно имеют к этому какое-то отношение...
- Тебе нужно отойти в сторонку, Алиса...
- ...и я собираюсь выяснить, где он их брал.
- «Доброволец» у меня за спиной что-то буркнул, отступая назад, чтобы уступить дорогу размашисто шагающей по коридору Донне. Повернувшись, я подмигнула ему, когда она без остановки прошкандыбала дальше. Объяснила:
- Она сжигает калории после завтрака.
- Забирай свои таблетки и ушлепывай. Не видишь, другие пациенты ждут? – Феми слегка повысила голос. – Ты вообще собираешься уходить?
- Я опять повернулась к ней.
- Это как посмотреть.
- Хочешь, чтобы я Маркуса сюда позвала?
- На миг мне подумалось, уж не попросить ли ее именно об этом. Я уже давно размышляла, не лучше ли первым делом расспросить о наркотиках в комнате Кевина как раз Маркуса, но в итоге решила, что прямой ответ, скорее всего, получу от Феми. Однако пока пришла к выводу, что нет смысла втягивать менеджера отделения, пока мне это не понадобится.
- Еще раз улыбнувшись, я взяла стакан с водой. Заглотила вначале оланзапин, потом вальпроат натрия, проследила, как Феми ставит птичку в моей карте и самым коповским своим тоном произнесла:
- Спасибо за помощь.

* * *

В тот же день после полудня я сидела в музыкальной комнате с Большим Геем Бобом, болтая о том о сем и – как водится, – об *этом самом*, когда возле сто тридцать шестой палаты вдруг началась какая-то заварушка.

- Я как-то трахался с полисменшей, – грузил мне в тот момент Боб.
- Да?
- На заднем сиденье патрульной машины.
- Как мило. А она включила синюю мигалку?

– Клянусь, я всегда думал, что женщины в форме играют за другую команду... Без обид, но сама знаешь, об чем я. А эта сама не своя оказалась до этого дела – такое, блин, вытворяла!

– А она сняла с тебя твою комбинашку?

Как всегда, Боб совершенно не просекал, что я над ним просто прикалываюсь, так что гордо ухмыльнулся и прогнал еще что-то про свою «толстую морковку», когда нашу возвышенную беседу прервал натуральный бедлам в коридоре.

Крики, вопли... Голос мы не узнали.

Сто тридцать шестая палата – это место, куда сажают всех доставленных полицией (согласно разделу 136 Акта о психическом здоровье, отсюда и неофициальное название). Так называемое «безопасное место», в которое полиция обязана помещать задержанных на улице/в пабе/где угодно, если есть подозрение, что им требуется экстренная психиатрическая помощь и их необходимо держать под наблюдением.

Правда, в тот момент это место было трудно назвать особо безопасным.

Позже я выяснила, что этот парнишка – вряд ли старше семнадцати – был задержан после того, как кто-то из публики звякнул в «три девятки»⁴⁵, заметив, как он выплясывает прямо в потоке несущихся машин на Северной Кольцевой. Одному богу известно, зачем ему это понадобилось или что привело его в такое возбужденное состояние, но санитары уже носились взад-вперед с мрачными лицами, огрызаясь друг на друга, в то время как бедный мудила, запертый в палате, орал как резаный и бился головой о стекло.

Вроде какую-то хрень про пауков орал...

По вполне понятным причинам персонал не очень-то любит зрителей, когда творится нечто подобное, так что мы с Большим Геом Бобом, как воспитанные люди, не стали туда соваться и держались у стенок. Равно как Ильяс, Лю-Косячок и все остальные, кто вылез поводить жалом. Донна даже прервала свою безостановочную ходьбу на несколько минут, чего я никогда раньше не видела.

Если серьезно, то «сдерживающее вмешательство», как это именуется в регламентирующих документах, – не та часть работы, которая доставляет кому-либо из медперсонала особое удовольствие, пусть даже некоторые из них и больше подходят для нее, чем остальные. Никто не любит этим заниматься, а меньше всего любит писать после этого всякие объяснительные и принимать участие в обязательных «разборах полетов», но когда есть непосредственная угроза безопасности персонала или потребителей медицинских услуг и требуется быстро разрядить ситуацию, быстродействующие успокоительные препараты – обычно единственный вариант.

Что, в общих чертах, означает, что нужно завалить буяна на пол и нашмыгать его по уши седативами.

Я смотрела, как Малайка пытается уговорить парнишку словесно, в то время как Джордж с Маркусом обсуждают, как лучше всего подойти и обездвижить его. Феми уже строчила что-то на компьютере, а Дебби и Миа убежали готовить необходимые медикаменты – бодрить проверенный коктейль из лоразепама и арипипразола.

Тот упомянутый быстродействующий транк.

Это было чертовски впечатляющее зрелище.

Работали они на редкость слаженно и четко, как единая команда, и если б не оглушительные вопли – мне даже пришлось заткнуть уши – и выражение ужаса на лице несчастного парнишки, смотреть на все это было бы одно удовольствие.

Хотя это сразу подстегнуло мою мыслительную деятельность.

– Полезная штука, – заметил Боб. – Пара флакончиков этой транквилизирующей фигни. Понимаешь, когда не хочешь, чтобы дамочки начинали отбиваться.

⁴⁵ Основной номер вызова экстренных служб в Великобритании – 999 (как 911 в США), хотя с равным успехом можно использовать принятый в Евросоюзе и в России номер 112.

– Что?

Он еще что-то сказал, наверняка столь же пакостное, но я на самом деле его уже не слушала. Я прислушивалась к воплям новенького, смотрела, как он размазывает слюну по стеклу, и думала, что если – чисто для обсуждения – этот парнишка просто... устраивал спектакль, то такой классной актерской игры я еще не видела. Я сложила все вместе, и – на тот момент, по крайней мере, – вдруг все обрело смысл.

Я стала отходить, оставляя за спиной Джорджа с Маркусом, которые готовились ворваться в сто тридцать шестую, словно полицейская группа захвата, так что не видела, что произошло потом. Хотя, наверное, все прошло без сучка без задоринки, поскольку парнишка явно уgomонился, а на следующее утро его выписали. Понятия не имею, что с ним дальше случилось. Наверное, его направили к психотерапевту, или, может, он по-прежнему продолжает устраивать пляски на автострадах где-нибудь еще, но в любом случае он заронил мне в голову одну важную мысль.

Хотя прямо тогда, когда они закачивали ему в задние ворота полный шприц седативов, мне требовалось как можно быстрее оказаться в собственной комнате и сделать один телефонный звонок, пока эта мысль не успела выветриться из головы.

* * *

– Итак, есть новости?

– Блин, Алиса, да имей же ты совесть! – Бэнкси понизил голос, словно не хотел, чтобы его подслушали. – Я ведь только вчера у тебя был!

– Кто не успел, тот опоздал, братан.

– Насколько мне известно, они до сих пор ждут отчета криминалистов.

– Ну да, а куда спешить-то? Одним психом больше, одним меньше – какая разница?

– Знаешь ли, по-моему, дело просто в том, что там очередь, согласна? А потом, не думаю, чтобы они возлагали на это особо большие надежды.

Я хорошо понимала, что он имеет в виду. Это все равно что обрабатывать номер в отеле, где буквально все свободные поверхности этими отпечатками и ДНК уделаны, замучаешься снимать. Если говорить про комнату Кевина, то там наверняка успел отметиться весь медперсонал и большинство пациентов.

Я начала излагать ему истинную причину звонка, рассказывать о том, что недавно видела.

– Здесь постоянная ротация «добровольцев», – сказала я. – Кто поступает, кто выписывается...

– Так...

– Равно как и тех, кто поступает по пункту сто тридцать шесть.

– Так что?... – Голос у Бэнкси был далеко не убежденный.

– Так что предположим, что Кевин связался с какими-то отморозженными наркоторговцами.

– Да они все отморозженные, – заметил Бэнкси.

– Ну, совсем уж отморозженными, годится? И предположим, у Кевина что-то не срослось. Предположим, ему заплатили, а поставку он задержал, или, может, Кевин решил выйти из дела, а они сочли, что он слишком много знает. Это просто превосходный способ избавиться от него.

На несколько секунд наступило молчание. Я слышала на заднем плане шумы полицейской дежурки, звонки телефонов и какие-то переговоры. Чувствовала себя как та, что потеряла ребенка, а потом вдруг увидела другую женщину с новорожденным на руках. Ладно: может, я слишком уж сильно выразилась, но, короче, вы поняли.

– Давай дальше, – потребовал Бэнкси.

– Кто-то поступает в отделение, изображая из себя добровольного пациента, понимаешь? Чтобы понять ситуацию с камерами, много времени не надо, так что этот человек ждет, пока Грэм не вырубит нужную, делает то, ради чего пришел, и как можно скорее выписывается обратно.

– Так вот запросто?

– Да, так вот запросто. Послушай, я уверена, что смогу легко выяснить, кто выписался в тот день, когда убили Кевина, или на следующее утро.

Опять молчание. Потом:

– Это малость притянута за уши, Лис.

– Ты даже это как следует не обдумал!

– Я сейчас как раз над этим думаю. Ты хочешь меня уверить, будто какие-то гангстеры наняли наемного убийцу, чтобы он притворился сумасшедшим... А они обычно не заморачиваются такими сложностями. Если кто-то их кинул, то такая публика просто угрожает родственникам такого человека, либо поджигает ему дом.

– Но таким способом они не привлекли бы к себе внимания!

– Вдобавок, разве персонал не обучен распознавать симулянтов?

– Иногда они ошибаются.

– С тобой они тоже ошиблись?

Теперь наступил уже мой черед немного помолчать.

– Они регулярно ошибаются.

Я вслушивалась в этот чудесный гомон в дежурке еще несколько секунд. Крепко прижимала телефон к уху, но все равно не могла расслышать, о чем говорят, или различить знакомые голоса.

– Это малость притянута за уши, – повторил Бэнкси. – Ты должна это понимать, и, как я уже тебе как-то говорил, вообще-то я далеко не убежден, что это пойдет тебе на пользу, так что...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.